

К1 981792

ер

АЛЕКСАНДР РОМАНОВ

КРАСНЫЕ ТУЧИ

АЛЕКСАНДР РОМАНОВ
КРАСНЫЕ ТУЧИ

СТИХИ
И
ПОЭМЫ

КД 981792

ВОЛОГОДСКАЯ
областная библиотека
им. И. В. Бабушкина

«СОВРЕМЕННОК»
МОСКВА • 1982

РЭ
Р69

+ КР

Романов А. А.

**Р69 Красные тучи: Стихи и поэмы.— М.:
Современник, 1982.—143 с., ил.**

Наряду с известными произведениями поэта в книгу включены новые стихотворения и поэма «Павла», показывающая жизнь крестьянской женщины-матери, рисующая ее одухотворенный образ.

Р 4702010200—180
М106(03)—82

194—82

**ББК84 Р7
Р2**

СТИХИ

КРАСНЫЕ ТУЧИ

Люблю, как надвинутся с кручи,
 Столкнутся один на один
 Грозы темно-синие тучи
 И красные тучи рябин.
 В кипенье раскатном и грозном
 Швыряет разгневанный лес
 Охапками крупные гроздьи
 В разломы и окна небес.
 Рассеются темные тучи,
 А красные, радуя взгляд,
 Еще ослепительней, жгуче
 От молний упавших горят.
 Горят над полями, домами,
 Над Русью, опять голубой,
 Над нашим крыльцом и над нами,
 Все годы над нами с тобой.
 Над ранней и поздней любовью,
 Над песнями прожитых лет,
 Над жизнью, над смертью, над болью,
 Над теми, кого уже нет.

ЗДРАВСТВУЙТЕ!

Люблю приехать в августе
 В ржаную благодать.
 Сказать-услышать «Здравствуйте» —
 Как земляков обнять,

Как поклониться родине
И на лицо, на грудь
Росистый куст смородины
Друг другу отряхнуть.
Иду я всюду запросто,
В душе коплю зарю.
И встречные мне: «Здравствуйте»,
Я — то же говорю.
И школьники глазастые,
Путь уступая мне,
Смущенно тянут: «Здравствуйте»,
Я — то же ребяте.
И старцы, уж бесстрастные,
Сидят, глядят на свет.
Я кланяюсь им: «Здравствуйте» —
И слышу их привет...
Люблю приехать в августе,
Да дело ведь не в том.
Всегда здесь слово «Здравствуйте»
Овеяно теплом.
И за века не выстыло,
И, вея далью той,
Людей связует исстари
Высокой добротой.
Живите, люди, здравствуйте,
Поменьше только хвастайте,
А крепче государствуйте!

СПОКОЙНОЕ УТРО

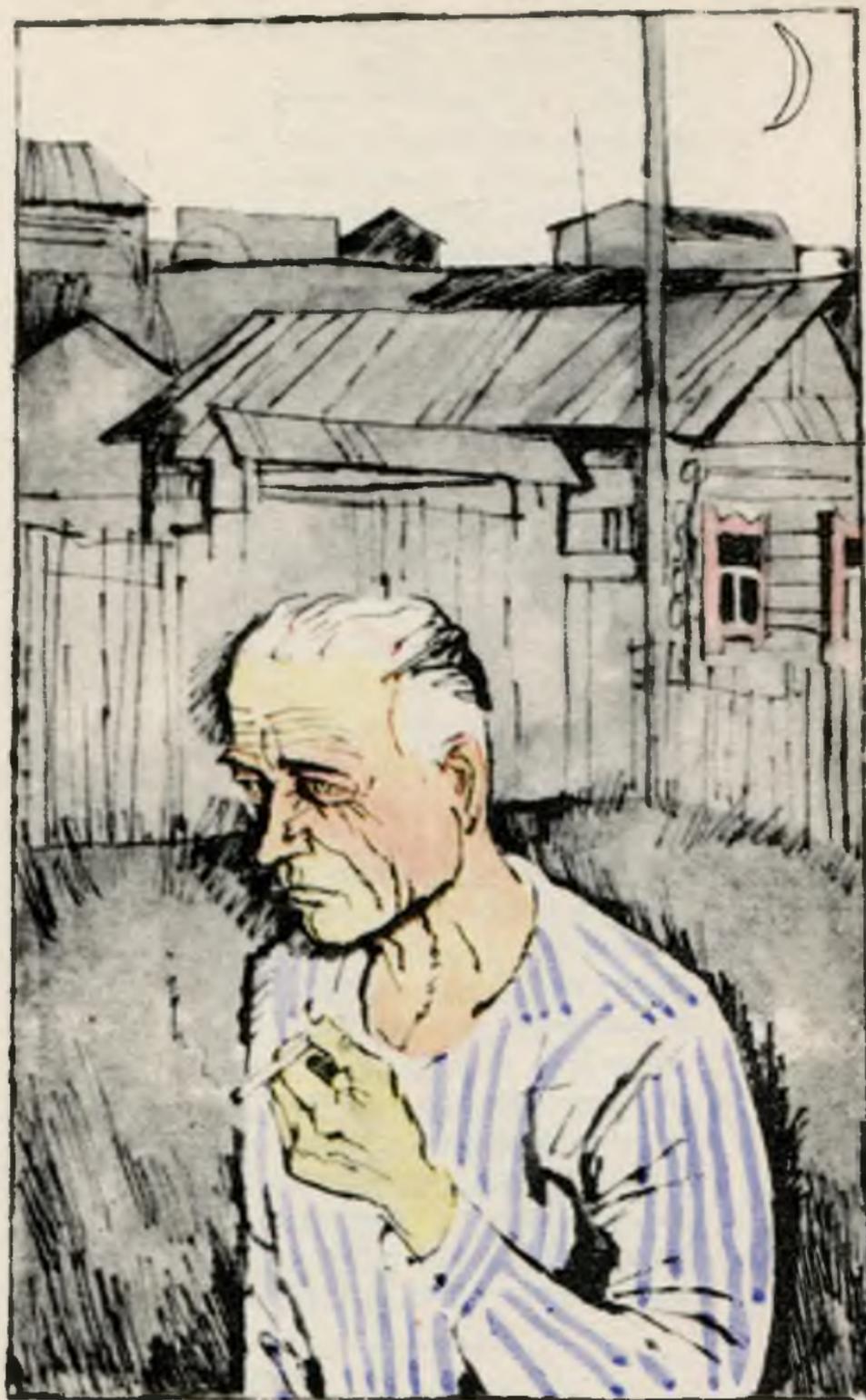
Какое спокойное утро!
Туманы с души унесло.
Вчера было горько и трудно,
Сегодня — легко и светло.

И я, умываясь, подумал,
Что надо бы радостно жить
И тяжкую думу под угол
Избы валуном положить.
А с матерью встретился взглядом —
Лицо осушило стыдом:
Хлопочет, усталая, рядом,
От думы в сиянье седом.

КОПЫЛОВО

П. Красильникову

Деревенька Копылово
Невелика, но цела.
Клевера кипят лилово,
В каждой маковке пчела.
Крыши в теплой позолоте,
Дух коровий по дворам.
Словно лебеди на взлете,
В избах крестовины рам.
Сорок окон рассветают,
Значит, сорок лебедей
Никуда не улетают,
А живут среди людей...
Где-то стройки, где-то громы,
Где-то блещут города.
Ну, а здесь, как дождик скромный,
Только льются провода.
Да под вечер вновь заварен,
Хоть зайди и невзначай,
Добрый русским самоваром
Золотой грузинский чай.

Да с водой холодной в ведрах
Тарки стыннут глубоко,
Чтобы в них дышало бодро
Ледяное молоко.
Да с крылечка до колодца
Перед сном, светло пока,
Вновь задумчивые кольца
Папиросного дымка.
Жить и жить бы без тревоги,
С тишиной наедине.
Но поди ж ты... Думы долги
В слишком тихой тишине.
Что-то старости не спится,
А у молодости сны
Рвутся в дали, как зарницы
Незнакомой стороны.

БЛУДНЫЙ СЫН

Лес, встречая, шумел и аукал:
Пусть и блудный, а все-таки сын.
Помраченье души и рассудка
Понял он у берез и осин.
Будто свьше его осенило,
Обожгло и продуло насквозь.
Он тоску обломал об осины
И оставил печаль у берез.
Встрепенулись они без упрека,
Заслонив непутевую жизнь.
Но от горечи этой до срока
Их вершины огнем занялись.

МАТЕРИНСКОЕ ОДЕЯЛО

«Ложись-ко спать. Устал, сынок»,—
И тащит одеяло.
И на меня от рук до ног
Что облако упало.
Она закрыла так любя,
Что сразу мне открыла
И очень малого себя,
И первозданность мира.

ОТОГРЕВАЕМ ДОМ

Открыли, как отрыли
В холмище вековом,
В заносах снежной пыли
Старинный русский дом.
Дверь стронули натужно
За ржавое кольцо —
Порезалось о стужу
И сердце, и лицо.
И комнаты пустые
Предстали как из мглы,
Лишь выбелены стынью
Окошки и углы...
О дом, давно забытый,
Ты что в судьбе людей?
Ты боль каких событий,
Ты тень каких же дней?
И где жильцы, что были
Хозяевами тут,
Рождались, и любили,
И ладили уют?..

Но что же ждать ответа
От снега и от ветра?
Тоска рождает дело —
Не праздные слова.
И вот обледенело
В печах стучат дрова.
И робко, долго, трудно
Томится под смолой
Огонь то рыжим трутнем,
То золотой пчелой,
И печи загудели,
И вздрогнул мертвый

дом,

И, словно колыбели,
Пары качнулись в нем.
И, от угарной синьки
Неясные пока,
Вдруг вытаяли снимки
Вразлет от косяка.
И есть чему дивиться —
Как из былых веков
Возникли смутно лица
Солдат и мужиков.
Суровы, бородаты,
Ни знаков, ни наград,
Ни имени, ни даты —
Как вечные глядят.

НАРОДНЫЙ МУЗЕЙ

Н. М. Паутову

Прохожу я по музею —
Вековому рубежу...
Не восторженно глазею,

А возвышенно гляжу.
Да, не зря в душевном рвенье,
Не жалея дней и сил,
Все окрестные деревни
Собиратель исходил.
Удивлялись: да на что вам?
Ну, а он искал, что мог,
Будто бы со дна речного
Золотой ловил песок.
Из-под тягостного ила
Поднимал, чтобы сполна
Зацвела, заговорила
И запела старина...
Свет и тень летят на сердце,
Время сдвинуто плечом.
Люdiam есть во что взглядеться
И задуматься о чем.
В холодке резные прялки
Будто стяги дней льняных,—
Подойди, почувствуй — жарки
От любви, согревшей их.
Дуги — радуги бывшие,
Пояса — полоски зорь,
Ну и лапти, лапти в глине —
Посмотри, но не позорь...
Собиратель, честно маясь,
Захотел черпнуть до дна,
Но достал одну лишь малость:
Ох, глубока старина.
Все, что тяжело,— потонуло,
Что не понято,— ушло.
Лишь плывет высоким гулом
Что насущно и светло.
Эти прялки огнелики,
Эти дуги, шаркуны —
Только звоны, только блики

Той — под нами — глубины.
Эти льны, как утро, явны,
Кружева, как вздох, чисты —
Только тихое сиянье
Той — меж нами — красоты.
Эти древние строения
На холмах земли родной —
Только выдох изумленья
Той — над нами — глубиной.

* * *

Иконописец-вологжанин,
Явивший миру этот лик,
Для нас остался безмянен,
А для художества велик.
Он запирался в скудной келье,
Постился, набожен и строг,
Чтоб огонь, таинственный доселе,
И дух и плоть его возжег.
И озарялся мастер взором,
И дерзновенной кистью он
Творил свой помысел, в котором
И высь, и твердь, и скорбь времен.
Прекрасный лик, рожденный кистью
На скромном вытесе доски,
Дышал и веял в сердце высью
Среди сует и смут мирских.
Глаза пророчески зывали
И к единенью, и к добру.
И предки наши в час печали
Им отзывались ввечеру...
А годы шли, безбожье сея,
Но, помня путь родной земли,

Из храма веры в храм музея
Икону люди принесли.
Она, как луч забытых сказок,
Людей дивила всякий раз
Движеньем черт, сияньем красок
И глубиною древних глаз.
Вошел в музей с личиной лунной
И рисовальщик, живший здесь.
Томясь корыстью скудоумной,
Сорвал икону и исчез.
В свою укрывшись мастерскую,
Пришельцу чуждой стороны
Он продавал ее — такую,
Которой не было цены.
Он поднимал свой тонкий палец,
По лику древнему скользя.
Грозой и скорбью наливались
Заполоненные глаза.
Из мглы времен, из дальней дали,
Преодолев за веком век,
Они как будто вопрошали:
«Се человек?» ... О, человек!..

СЧАСТЛИВЫЙ ЧЕЛОВЕК

Он кряж возьмет, прицелится
И колуном взорвет.
Растет, звенит поленница
Гармошкой у ворот.
Свежей в заулках нет ее,
И этот свежий вид
Весеннее да летнее
Тепло озолотит.
Стоит меж тополей она,

А хлынет снег опять —
Гармонь златополенная
Начнет в печи играть.
И скажет смуглотелая,
Пригожая жена:
«Сидела бы и пела я,
Но печь блины должна».
Он молодым хозяином
Коснется локотка,
И вспыхнет радость заново,
Чиста и глубока.
Жена не отсторонится,
Блины спалит опять.
«Ой, глупый,— скажет скромница,—
Ведь все в окно видать».
Но инеем зашторены
Окошки средь зимы,
И над холмами родины
Веселые дымы.

В ГОСТЯХ НА СУКМАНИЦЕ

Не приходилось, не гостил
Я в золотой Сукманице,
И вот душа — ну нету сил —
Туда сегодня тянется.
Но никого там из родни,
Хотя места исконные.
Пожалуй, только лишь одни
Березы там знакомые.
К березам! Берегом иду,
А берег осыпается.

Вокруг деревни на виду,
А дальше всех Сукманица.
В залесье клюквенном, глухом,
Как прибауток вотчина,
Она поставлена на холм
И речкой оторочена.
Смешок плывет от стариков:
Кто ходит на Сукманицу,
Тому за прыткость сто грехов —
Как не было — прощается.
А есть такие — как не быть, —
Кому бы на Сукманицу
Не раз, а десять раз сходить,
Но разве кто признается?
Нет, не признается вовек!
Не потому ль — по-вашему —
Сюда лишь редкий человек,
Как я, тропу налаживал?
Тропа, как жизнь, — то вверх, то вниз,
Тяжелая, осенняя.
Топина рядом. Оступись —
Ищи тогда спасения.
Потом река, а в ней вода
Каленая, кусается.
Я все прошел, и лишь тогда
Открылась мне Сукманица.
На золотистой крутизне,
Как вышивка на поясе,
Изба к избе, изба к избе —
Аж и моргнуть-то боязно.
Вдруг пропадут, — моргнешь — и нет:
Настолько стародавние!
От стен — янтарный теплый свет,
От окон — холоданье.
Крылечки тут, калитки тут
С узорами-заветами.

Какие тайны стерегут?
Какие были ведают?
И ни души. Покой! Но вдруг
Калиткой, слышу, щелкнули.
Иду и вижу двух старух —
Какие краснощекие!
«Дак воздух экой,— мне они
В ответ.— Ну, не утеха ли!
Да, здесь, голубчик, мы одни,
Да, все давно уехали!»
И чаем здесь, на берегу,
Меня старухи потчуют.
И я без них уж не могу
Представить землю отчую.

СТАРИК

— Как жизнь? — А лучше и не будет.
— Неужто? — Думаю, что так.
— Но люди... — Что ж, на то и люди,
Чтоб ожидать каких-то благ.
— А ты-то что? — А я счастливо
Пожил... — Достиг чего? — Достиг.
— Чего? — Трудись не суетливо,—
И улыбнулся мне старик.

БАБКИН СЫН

— Как зовут тебя?
— Сережка.
— Ну а чей ты?
— Бабкин сын...—

Петушком кричит гармошка,
И поет в ресницах синь.
Он играет, выгибая
Перья красные мехов.
К старикам, что строят баню,
Вновь идет средь лопухов.
— Э, гляди, пришел помощник,—
Улыбаются они.
— Да носишко-то не морщи,
Кверху, кверху нос тяни!..—
И оставив паз мохнатый,
Никнут ласкою седин.
— Ну, играть покуда хватит,
Помогай нам, бабкин сын.—
И мальчонка мох подносит,
Да бегом-то, все бегом,
Вытирая с переносья
Бисеринки рукавом.
Хвалят парня, горечь спрятав.
Словно в мох, в пучки бровей:
— Ну, Сережка, ты — старатель,
Будешь плотником, ей-ей!—
Мастера кивают важно
И с оглядкой, без мальчика,
По-мужицки, трехэтажно,
Кроют беглого отца:
— Где-то шляется, кудлатый.
— Ну а мать? — Ох, эта мать,
Тоже бросилась куда-то
Пристань новую искать.
И ни писем, и ни денег.
И живет Сережка тут.
Бабка вырастит, оденет:
Бабке пенсию дают.—
«Что-то будет, что-то будет?» —
Выбивают молотки,

Словно тишь глухую будят
На стропилах старики.
Сверху им щемяще видно,
Как, покуда без обид,
Васильково и наивно
Безотцовщина глядит.

НИЧЕЙ

Его давно мотает —
Где лучше, угадай —
Из Мурманска к Алтаю,
С Алтая в Магадан.
Оседлой жизни нету,
Как будто ошалел.
И вот сегодня в этой
Он дьявольской жаре.
Вновь пиво льет казашка,
А пена — что за черт? —
Как белая ромашка,
С его руки течет.
Опахивает давним,
Далеким и родным,
Как будто с маху ставни
Смывает перед ним.
На севере России
Его крестьянский дом
Всплывает в снежной сини,
И мать-старуха в нем.
И снова знак вопроса
Прорежется серпом:
Зачем же близких бросил
И свой обжитый дом?
Зачем же он уехал?
Земель далеких зов?

Но он не мог без смеха
И слышать этих слов.
Нет, он другое вызнал
И высмотрел давно —
Лишь зависть к легкой жизни,
А где — не все ль равно.
И, в думах разбираясь,
Он чует, что уже
Родительская завязь
Разорвана в душе.
И тягостно от мысли
Бывает среди ночей:
От близких независим —
И вот уже ничей.

* * *

Меня дивили мощью города
И синевой окатывали дали,
И древности, забывшие года,
Высоким светом сердце зажигали.
А вот щемит печалью звон шмеля,
А за шмелем — пастушечья избушка,
А за избушкой — тихие поля,
А за полями — громкая кукушка.

* * *

Лес впитывал сумерки, прятал
И так чернотой набряк,
Что вместо березок опрятных,
Как нечисть, таращился мрак.

Повеяло близостью зверя,
И люди почували страх.
Родимому лесу не веря,
Шагали домой впопыхах.
И все потонуло во мраке...
Но, светлый готовя излом,
Ручьями звенели овраги,
Речушки дышали теплом,
И первая смелая птица
Запела, и сразу за ней,
Чтоб утром себя не стыдиться,
Защелкал во тьме соловей.
И в небе сверкнули полоски,
И росы сверкнули в ответ,
И, мрак отряхая, березки
Поплыли на розовый свет.

* * *

В середине веселого мая,
Молодея от легкой ходьбы,
В перелесках родимого края
Собираю я в кепку грибы.
Прут опенки по горкам укромным
Из-под жухлой листвы и хвой.
Разбудили их первые громы,
Закудрявили их соловьи.
Вот земля! Еще травы и листья
Лишь в намеках зеленой резьбы,
Еще в ельниках сыро и мглисто,
А пожалуйста — нате грибы.
Любо брать их, таких светло-рыжих,
Будто пенку снимать с молока.

...Сковородка трясется и брызжет
Над лиловым цветком огонька.
Дом для гостя распахнут по-русски,
За столом можно многих вместить.
Только не с кем отведать закуски,
Только некого мне угостить.
И стоит неподвижно и хрупко,
Майский свет отражая в стекле,
Одиночества горькая рюмка
На родном деревенском столе.

КЛЮЧИ

Не выхваляясь, не крича
О родовых основах,
Стоят деревни на ключах,
На глубях родниковых.
Красу умели отыскать
И топором и взглядом, —
Чтоб ширь и высь — душе под стать —
И ключ недремный рядом.
В берестяной ли черпачок,
В ладони ли, в ведерки
Холодный, чистый родничок
Плескал скороговорки.
Он из таких всходил глубин,
Пробил такие недра,
Что зачерпни и пригуби —
И впрямь душа бессмертна.
Ключи! Поди-ка их сочти!..
В отеческом пределе
Их не убавилось почти,
А избы поредели.

В тоске своей склоняясь ниц,
С холмов — гнездовой древних —
Подобьем серых странных птиц
Крылами бьют деревни.
Куда лететь? К какой меже?
На юг или на север?
Узорный облик их уже
Пространствами рассеян...
Ну а ключи? Они все там,
На древних тех гнездовьях.
И забывать опасно нам
О них в дорогах новых.
Ведь бьют они с таких глубин,
Крушат такие недра,
Что зачерпни и пригуби —
И вновь душа бессмертна.

СТОЛБЫ

Тех мужиков давно уж нету,
Но их дома — что терема —
Возносят гордую примету
Мастеровитого ума.
Те мужики простор околиц
Делили клином межевым,
Но неделимым был колодец
И был заулок неделим.
И ребятня в заулке этом,
Кипя свободой озорной,
В траве валялась теплым летом
И горку ладила зимой.
А меж домами у колодца,
Где проходили мужики,

Им было сладко наколоться
На смех и бабьи языки...
О тех домах твердят и ныне,
Что богатеи жили тут.
Купив дома, жильцы иные
Теперь по-новому живут.
Давно льняной простор околиц
Распахнут, словно небосклон,
Но на замке зато колодец,
Да и заулочек поделен.
И молчаливые соседи,
Высокомерья не тая,
Из-под замка прохладу цедят —
Бадья у каждого своя.
И в том заулочке, в тех ромашках,
Держа равнение городьбы,
Стоят столбы в смолистых бляшках
И морщат стесанные лбы.

СОВЕСТЬ

Встает до света хлопотунья
И в кухне — как веретено,
Пока ребята: «Бабка Дуня!» —
Не закричат в ее окно.
Она их встретит пирогами,
И вновь, довольны и смешны,
Болтают весело ногами
Перед Авдотьей шалуны.
Ей, одинокой, то и надобно...
Уйдя на пенсию, она
С поклоном вдруг — к соседкам на дом
И засиделась допоздна.

«Давайте, я понянчусь, бабы,—
Одной сидеть так, право, смерть.
Своих не знала, так хотя бы
С чужими душу отогреть».
Те удивились: нынче редки
Такие речи — ой возьми!
И благодарные соседки
Теперь лепились к ней с детьми.
Они совсем того не знали,
Что у Авдотьи где-то сын,
Ее беда, ее печали
И тайна скрытая седин.
Ох, шумно молодость кипела!
Родила сына — и в детдом.
И отстучали в ней капелью
Воспоминания о нем.
Как был и не был... Только ныне
Тоскою сердце изошло.
И в дни настигнувших уныний
Лишь от чужих внучат светло.
Придут — накормит пирогами,
И вновь, довольны и смешны,
Болтают весело ногами
Перед Авдотьей шалуны.
Глядит она — и легче вроде,
А убегут и ляжет спать,
Ей мнится: кто-то в доме бродит,
Толкает старую кровать.
И говорит: «Согрей, промок я»,
И топчется у поставца.
В лицо ему глядит Авдотья
И леденеет: нет лица.
Ну, нет лица — оно туманом
Клубится, уловить нельзя.
Лишь прорезаются стеклянню
Двумя осколками глаза.

И острой болью мрак проколот.
Авдотья вскрикивает: «Сын!»
И просыпается. И холод
Летит с растрепанных седин.
Она срывается с кровати,
Глядит вокруг: сидит одна
И стынет, теменью зажата.
Поселок спит. В окне луна.
И до утра за думой дума.
Затопит печь, а ледяно,
Пока ребята: «Бабка Дуня!» —
Не прокричат в ее окно.

ГОСТИНЕЦ

Завтра в путь. Ему не спится.
Дрема ночью недолга.
Будит ранний дух гостинца —
Налитого пирога.
Самый пышный и румяный
С пылу-жару не затих
И брусничною поляной
Остывает среди других.
Сын упорствует — не надо!
Мать, сомкнув дрожанье губ,
Смотрит в сына слезным взглядом:
До чего же молод, глуп.
Еле парня упросила,
И пирог в дорогу дан.
Пролетел над всей Россией
В дальний город Магадан...
Мать тоскует — сын не близко,
Но письмо приходит в срок,

И в конце его приписка:
«Жаль, что взял один пирог.
Здесь гостинец твой брусничный
Потянул нас вспоминать
Детство, дом, родной обычай,
И тебе спасибо, мать».
Отклонилась к спинке стула
В стороне от всяких дел.
Прочитала вновь, вздохнула:
«Слава богу, поумнел».

ИЗБА

Не понимаю тех, ей-богу,
Кто, из родной избы уйдя,
Навек забыли к ней дорогу
В сверканье снега и дождя.
И ненавижу тех, хвастливых,
Кто приезжает с похвальбой
И в дни наездов торопливых
В избе смеется над избой.
Пусть многим стала не по росту,
Но вот зачем с хулой спешить?
Изба хоть выглядит и просто,
Да в ней не так-то просто жить.
Она веков минувших память,
Она судеб отцовских суть.
И если с прошлым полукавить,
Легко в грядущем обмануть.

ГАРМОНЬ

Раздалась гармонь — ах, боже!
Не слышали так давно.
Взгляд распахнут, сердце — тоже
Как весеннее окно.
Тесно — плечи не просунуть,
Не пробраться в первый ряд.
На отчаянных плясуний
Молча женщины глядят.
Это пляшут отпускницы,
Дочки их из городов.
Огорчатся иль гордиться —
Нет пока у женщин слов.
Пляшут так, что солнце брызжет
На кондовые углы.
Были русы — стали рыжи,
Стали слишком удалы.
«Приезжай ко мне дорожкой —
Не броди угорами.
Ну зачем ты мне с гармошкой,
Когда все с моторами...»
И гармонь споткнулась, смолкла.
Стих народ. Опешил круг.
Гармонист, мотая челкой,
Вырывается из рук.
Он уходит, злой и резкий,
В одуванчиковый дым.
С кем делить обиду? Не с кем.
Оставайся холостым.
Ох, невесты-попрыгуни,
Что-то стали вы не те,
Что-то скромность попригнули
В общежитской тесноте...
И в отчаянье тоскливом

За деревней у берез
Горьким плещется разливом
И кипит гармонь до слез.
По угорам в тихой рани
В три версты — ее размах.
И ворочаются парни
В холостяцких деревнях.

РАЗГОВОР

— Ты, что курица-парунья,
Надоела, мати, ой!
Как умрешь, не пророню я
Ни слезинки ни одной!
— Ну, спасибо, дочь. Хоть бедки
Мне слова, но впереди
У тебя самой три девки:
Слезы, верно, береги...

ДОЧЕРИ

Семье Сузаревых

Четыре дочери — чьи, видно.
Румянцем щеки залиты.
Сестра сестру не отодвинет,
А лишь добавит красоты.
Четыре дочери — невесты!
Какая стать! И все живею
Взгляд родниковый, взор небесный
Под черным росчерком бровей.

В них материнская пригожесть.
Стоит отец, мужик простой,
Дивясь, робея и тревожась
Перед дочерней красотой.
Четыре дочери — загадки.
Что станет с ними в смене лет?..
То вспыхнет, то погаснет краткий
Огонь родительских примет.

* * *

Здесь мельница была. Заросший вид.
И до него мне — никакого дела.
Но для кого-то здесь ивняк шумит,
Как прежде грустно мельница шумела.
А дальше берег, оголенный весь.
Была же роща. Нет ее в помине.
Но звень гармошек, что томила здесь,
И с пустыря иным слышна поныне!
Вот ельник на пути. Тот самый, тот.
Брусничники в нем стелются втугую.
Другой здесь с равнодушием пройдет,
А я, тебя припомнив, затоскую...
И так во всем, что видится сейчас
Иль наплывает памятью живою,
Хранит природа сокровенно связь
Вот здесь с твоей, а там с другой душою.
Во всем — недавно было иль давно —
Есть чья-то радость, боль иль просто мета.
Людскою тайной все озарено.
Безгласного и пня в природе нету.

САМОВАРЫ

Не с важностью седого антиквара,
А с удивленьем, что нашелся спрос,
Он из подвальной тьмы три самовара,
Как темно-рыжих домовых, принес.
«Вот,— показал,— занятно, так любуйся.
Могу — тебе, а то в сельпо отдам.
Такой металл там принимает Люся
По тридцать три копейки килограмм...»
Был чистый день. Три старых самовара,
Как запыленных три богатыря,
Теперь стояли, словно три товара,
Крыльцо стыдливо светом озаря.
Один — огромный, в синеве прокалин,
С медалями, впечатанными в медь,
Как будто ожил. И сказал хозяин:
«Он полдеревни может отогреть».
Другой хоть и пониже, да потолще,
Что баба сарафанная на вид.
Хозяин усмехнулся: «Вроде тещи,—
Лишь спичку поднеси — и зашумит».
А третий был всех более заманчив:
Высок и легок, по бокам — узор.
Махнул хозяин: «Ежели для дачи,
Бери его. Не самовар — собор!»
И из жаровни, сумраком забитой,
Он вытряс без печали и тоски
Золу минувших красных чаепитий
И славных лет седые угольки.
«Так сколько же?» — замылся гость приезжий.
«А, что там, на — красавца получай
И — в магазин. Я человек не прежний,
Я чай не пью, так надо не на чай...»
И вот поупку спрятали в багажник,

Бумагой притушили сверху жар...
Ну что ж, судьба изменчива, и даже
Твоя судьба, российский самовар.
Отныне будешь не в избе — на даче
Казать гостям свою былую стать.
Пока они о старине судачат,
Ты станешь, словно церковка, блистать.
Не от углей, а от сосновых шишек
Теперь тебе по выходным шуметь,
Дивить смысленых городских мальчишек,
Вставая как рассерженный медведь.
И если только бабка приведется
Среди гостей, то лишь она поймет,
Как здесь тебе невесело поется:
Не то застолье и размах не тот.
И после всех на кухоньке укроной
С тобой в молчанье посидит рядком
И, вспомнив жизнь, как земляка укроет
Тебя старинным ласковым платком.

ОСИНКИ

Они и без ветра лопочут,
Осинки у тихих дорог,
И как от щекотки хохочут,
Лишь дунет на них ветерок.
Задумавшись тяжело и смутно,
Но слушая их кутерьму,
Ты сам улыбнешься чему-то,
Не ведая толком — чему.
И взглядом окинешь осинки,
И шаг свой замедлишь чуть-чуть,
Но этой мгновенной запинки
Хватает, чтоб легче вздохнуть.

День или вечер — не понять.
О, дождь нас доконает.
Рванулся «газик», но опять
Рванулся до канавы.
В крыльце стою, тоска берет.
Что ж, закаляй характер.
Из птиц лишь слышен самолет,
А из зверей — лишь трактор...
Наутро встал, гляжу в окно —
Лес облетевший красен,
Красна стерня, село красно,
Красны жердины прясел.
И возле красной колеи
Жар-птицею ворона
И снегирями воробьи
Разыскивают зерна.
Ах, боже мой, какой денек
Сменил-таки потемки!
И вздох глубок, и шаг легóк,
И все дороги звонки.

ЗАКАТ

В болото солнышко упало
На мхи, на ягоды... О, вид!
Во всей округе в окнах ало
По крупной клюквине горит!

Еще на небе было чисто,
И зеленел еще лужок,
Но уж чутьем корней и листьев
Березы поняли свой срок.
Оцепенели поначалу,
Дивя прохожих красотой,
Потом со сдержанной печалью
Опали вьюгой золотой.
И тут погасли, как лучины,
Потом их снегом замело.
Вблизи, а вот неразличимы:
Кругом бело, кругом бело...

ГОРНОСТАЙ

Из порыжелого куста,
Передо мной весь на виду,
Метнулся белый горностай
И ослепил на темном льду.
А лед был тонок. На прыжок
Он отозвался, что хрусталь,
И, словно брошенный снежок,
Застыл в испуге горностай.
И замер я. Тревога нас
Связала вмиг наедине.
И две дробинки черных глаз
С реки запали в сердце мне.
Вот он отчаянно привстал
И прямо к берегу, ко мне.
Сверкнул в полете горностай
И вдруг растаял в желтизне...

А в небе звенья птичьих стай,
А вечер холоден и тих.
И в сердце снежный горностаи
Летучих радостей моих.

НАСТ

Больно глянуть — столько солнца.
Ну, а выйдешь да пойдешь —
Наст морозный отзовется
Звонкой музыкой подошв.
Ни к чему теперь и лыжи:
Топни в снег — не дрогнет он.
И тебя далеко слышно,
Ты — не ты, а чистый звон.
И не тянет на дороги —
На дорогах воли нет,
Ибо вслед проходим многим
Повторяешь чей-то след.
Ну, а тут — куда угодно —
С острым взлетом новизны.
И просторно, и свободно
Среди звонкой белизны.
И обзор души разомкнут,
И уловишь, сам не свой,
Как леса по горизонту
Намокают синевой.
И почувешь, как под настом
Дремлет рыжая трава,
Стынет клюква градом красным,
Зелень озими жива.
И летишь ты, обновленный,
В этой шире снеговой,
Чуть приподнят над землею
И над будничным собой.

II

1941—1981

Июньский вечер тихий, теплый.
Рябь золотистого пруда
Отражена игрою стекол
В просторном доме, как тогда.
Уж сорок лет минуло, сорок!
Как в бликах трепетных отец
В нас поглядел — а взгляд был горек,—
Всех обнял, вышел и — исчез...
Сижу на лавке, на которой
Нас целовал в последний миг.
Стена — как жизни всей подпора,
Пазы — как строки древних книг.
И рябь колышется, трепещет
На потускневшем потолке,
И на часах с кукушкой вещей,
И на узорном рушнике.
Из дуновенья возникая,
Из дней, которых не забыл.
Как прикасанье, как сверканье,
Как гореванье чьих-то крыл.
Хочу узреть и различаю,
Но смутно так, не до конца,
Уже не горем, а печалью
И тень, и свет, и лик отца.

МАТЬ ПЕРЕД ПОРТРЕТОМ ОТЦА

Вот плачу я, а ты молчишь...
Единственный в судьбе,
Порушь немую эту тишь.
Ведь и --- жена тебе.
Ты молодой, а я-то, я...
Старуха --- погляди.
Вот навестили сыновья
Растаяло в груди.
Давно семейные они,
И ты давненько дед.
Ну, хоть словечко оброни,
Ты их узнал иль нет.
Я твой исполнила наказ,
Все просьбы до одной.
Ребята добрые у нас ---
Порадуйся со мной.
Вот станут в клубе выступать
На людях, на виду.
Сказали мне: «Пойдем-ко, мать»,
Да я уж не дойду.
С тобой -- так мне и час бы лих,
Мы сели б в средний ряд,
Чтобы услышать, что о них
Соседи говорят.
Но ты молчишь, но ты молчишь...
Единственный в судьбе,
Порушь немую эту тишь.
Ведь я -- жена тебе.

НЕСКАЗАННЫЕ СЛОВА

Мне эту думу век носить:
Отца теперь бы увидеть —
Уж я бы знал, о чем спросить,
Уж я бы знал, чего сказать.
Два мужика наедине,
Вели бы речь в родной избе
Мы о колхозах, о войне,
О государстве, о себе.
Не утаили б ничего,
Чужих не слыша подпевал.
Уж понимал бы я его,
Уж он меня бы понимал!..
Но слишком часто на Руси
Отцы по разным сторонам.
И нет возможности спросить
Отцов подросшим сыновьям.
И все ответы, все слова,
Отцом не сказанные мне,
Лишь шепчет скорбная трава,
И то — в далекой стороне...

ПАМЯТЬ

Я знаю, что это не ново,
Но сердце болит оттого,
Что липы густеют медово,
А в доме и нет никого.
Не пчелы, как прежде, а овод
Гудит у плеча моего.
Хозяйка не выйдет навстречу,
Хозяин, как свой человек,

Не хлопнет меня по заплечью,
Мол, вспомнил, прибрел на ночлег,
Их чистой окатистой речью
Душе не умыться вовек...
А было — под стопку крутую
Он намять свою раздвигал,
Как с боем, от горя лютуя,
Вломились в берлинский квартал,
Как чашу нинал золотую,
С дороги пинал, а не взял.
А было — мигнет мне хозяйка,
Мол, деда опять повело,
Мол, к меду поближе давай-ка,
А то от вина тяжело.
И чаю нальет — вот заварка,
И веяло жизни тепло...
Что минет — воротится в душу...
Как мелко я жил и дружил,
Как мало я слушался, слушал,
Как редко гостинцы возил...
Сжигает полынною сушью
Меня у родимых могил.

* * *

И было то, и это было...
Да, все бывало на Руси.
Спроси великие могилы
И безымянные спроси.
Читаю древние страницы —
Они теперь мне все нужней —
И вижу лица, лица, лица
Обеспокоенных мужей.
Век золотой, в каком он веке,

В каких же насыпях следы?
Во все века врагов набег,
И ратоборство, и труды.
И в стольном Киеве когда-то
Не ради княжеской тщеты
Висели в золотой палате
Мечи, шелома и щиты.
И сотни раз всходили травы,
Но средь и нынешней травы,
Как городских твердынь оправы,
Валы и рвы, валы и рвы.
И мировые поединки
Не столь далеких, грозных лет.
На стенах снимки, снимки, снимки —
Окопный след, траншейный след.
Какие были потрясенья!
А что там, что там — впереди?
Всею существом — веками всеми —
Ты, русский человек, гляди.

ПРОВОЖАНИЕ

Какие волосы у сына,
Закинутые второнях!
Что мягкий лен, какого ныне
Уже не встретить в деревнях.
До плеч — не то чтоб всех длиннее,
Но в школе всех они светлей.
Десятиклассниц удивленье
И маета учителей.
Но вот экзамены, а дале
Пункт призывной — и в тень травы
Скатились русые, упали,
Как всплеск, с веселой головы.

И вышел из военкомата
Наш сын, наш мальчик, наш пока.
Осанка и молодцевата,
Но шея — боже — как тонка!
Он подходил, смятенье пряча,
Походкой, якобы мужской,
А взгляд его, совсем ребячий,
Толкнулся в сердце нам тоской.
Мы обнялись. Он с нами, с нами!
Но снова боль отозвалась,
Что сыновья растут рывками
И отдаляются от нас.
Миг — зоревые горы детства,
Миг — ученичества скамья.
И не успели в них взглянуться —
Уже солдаты сыновья.
Заботы нам томили плечи —
Не гривы, как у сыновей.
Нам тяжело было, им-то легче,
Но легче — менее трудней?
В судьбе у нас войны и жизни
Переплетенные узлы.
А что сыны успели вызнать?
Их ночи тихи, дни теплы.
А жизнь законы грозно пишет,
И сыновьям подходит срок,
Быть может нашего повыше,
Перешагнуть и свой порог...
Скорей домой, на проводины,
Сзывай товарищей, подруг!
Да как же это, сын родимый,
У нас опять случилось вдруг?
...И вот сидим перед дорогой —
За старшим средний, а рядком
И младший сын со стрижкой строгой,
В глазах с прощальным ветерком.

Затем друзья и домочадцы.
Вновь растревожен лад и быт.
О, сколько нам еще прощаться
Друг с другом в жизни предстоит!..
Шумит стесненная квартира.
Ребята ростом высоки.
В такой для поколенья мира
Не подходящи потолки.
Но им пока была б гитара.
Гитара — вправду хорошо.
И звук щемящего удара,
Как дождик, по сердцу прошел.
Отрадно, чисто и широко
В квартире стало. И затих
Сын, оперевшийся на локоть,
В кругу товарищей своих.
Лишь тут, за вечер до разлуки,
Любуясь им в кругу парней,
Мы догадались: нет подруги,
И стал нам сын еще родней.
И беззащитней, и дороже
Он стал мальчишеством своим.
Ну где ж ты, девочка, ну что же
Ты не нашлась, не встала с ним?
Куда ты ходишь, загорая,
В какие дали хочешь плыть
И кто ты есть, одна такая?
Ведь ты должна же где-то быть...
...Под нервный топот на вокзале,
Под нетерпенье поездов
Что скажешь, если не сказали
За восемнадцать их годов?
Ребят взмывает окрик бравый.
Их строят. Жизнь пошла своя.
Отцы и матери — направо,
Налево — только сыновья.

Щемит в груди от их равненья.
И мы глядим, глядим, глядим
В глаза молодого поколения
С благословением одним —
Вставать у всех границ державы:
Границ отеческой земли,
Границ отечественной славы,
Границ, что в плоть и в кровь вошли!

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Дверь распахнулась. Вот он, сын!
И замерла секунда.
Последний шаг, да, шаг один
Нас разделял покуда.
И руки сына в этот миг —
На материны руки.
Она к нему. Он к ней приник —
И вот конец разлуки.
Объятье сына горячо,
Шутейно-косолапо.
Окрепло, чувствую, плечо,
Отцовское — ослабло.
Ладони старших братьевей
Трещат в его ладонях.
А в окнах пляска тополей,
Таких густозеленых.
Прекрасно возвращенье в дом
В погонах, в добром здравье,
В своем расцвете молодом
И в майском разнотравье!
...А было — пусть не о таком —
О возвращенье просто
Тоска дымила табаком

В войну тысячеверстно.
И те спасители земли
Сквозь адовые муки
До возвращенья не дошли...
За них приходят внуки.
И вот солдат в родном доме,
Расстегивает китель.
Как хорошо, тепло ему,
Как он окреп — глядите!
Куда повесить — бросил взгляд
И старый шкаф заметил.
Открыл. Два кителя висят.
И свой придвинул. Третий.
И мысль одна ожгла опять:
Ужели по приказу
Сынам придется одевать
Все три, всем трем, и сразу?
Но май — ох, этот добрый май —
Сулит душе надежду.
Скорей солдату подавай
Гражданскую одежду!
И по рукам она пошла.
Наденет — снова снимет.
Трещит гражданская по швам
На возмужалом сыне.
Но подобрали... Хоть в Москву
На праздник заявиться!
А что — готовы к марш-броску,
Встречай гостей, столица!
И вот качается вагон,
И, заструив вершины,
Плывут березы с двух сторон,
Как белые кувшины.
Во весь простор, который зрим,
Они в весенних звонах
Плывут под небом голубым

На скатертях зеленых.
О, всем бы жителям равнин
Хватило до избытка
Из этих белых горловин
Прохладного напитка!
И нам бы сок берез испить
С тобой не для забавы,
А жар в груди ноостудить
И свежих сил добавить.
Но мимо мы. Уже близка,
Уже слепит огнями,
Уже — куда ни глянь — Москва,
За нами, перед нами.
И после строгости казарм,
Дорог, постов, бессонниц
Москва — не верится глазам —
В красе кремлевских звонниц!
От куполов, гранитных плит,
Дворцов, палат и башен
У нас огонь в крови кипит,
В самосознанье нашем.
Времен былых и новых мощь
Всегда, мой сын, едина.
И это, вижу, здесь поймешь
Душою гражданина.

БОСИКОМ ПО ЗЕМЛЕ

Бродить по сырой земле босиком —
Это большое счастье!

Александр Яшин

Она, смеясь, лиловый плащик
Перехватила пояском
И — прыг из туфелек блестящих
И — скок с крылечка босиком.
Сперва прошла по тропке влажной.

Как зябко, щекотно ступать!
Она вбирала жилкой каждой
Земли весенней благодать.
И побежала — вся как радость
И ожиданье перемен!
Трава ласкалась и плескалась
У белых девичьих колен...
Старушки, сидя прежним ладом,
Забыли сладкое нытье.
За ней тянулись добрым взглядом
И толковали про нее.
— Она из наших, настоящих,
Сказала: «Дома поживу...» —
Уже в полях лиловый плащик
Летел, как искра, в синеву.
— Ох, парни что-то долго дремлют.
— Да, девка с бойкою судьбой.
Любую ярмарку в деревню
Она утащит за собой!..

СВАДЬБЫ

О свадьбе отлучки сыновьи
Трубили. Но он, нелюдим,
Светился задумчивой новью
И тайной, известной двоим.
Уже избегал чаепитий,
Смеясь, отвечал на ходу:
«Ну, что вы пристали — терпите.
Скажу. Покажу. Приведу». —
«Где сваты, — вздыхал я, — где сваты?
Они бы рассеяли дым.
Эх, были востры, тороваты!
А ты лишь в окошко гляди...»

Но миг воссиял наконец-то!
Звонок — словно с сердца замок,
И сын со смущенной невестой
Как с неба — на отчий порог.
Мы замерли. Бросились встретить.
Мы под руку взяли любовь.
И с первого слова на третье
Мы поняли: свадьбу готовь!
И жизнь, словно лодку из плеса,
На стрежень опять понесло.
Я вскинул рабочие весла,
Жена — кормовое весло.
Ни мелей еще, ни излучин,
И ветер сопутствует нам.
И катятся волны певуче
К распахнутым вдаль берегам.
И вдруг берега превратились
В накрытые жарко столы,
И гости с цветами явились,
И песня взлетела с иглы.
...И пело, и плакало что-то
В родительской нашей душе.
И время сверкнуло с налета,
Забывтое нами уже.
Как щеки у нас полыхали
И, встретившись, дух замирал,
Как первыми в жизни стихами
Я тропки к тебе устилал.
И как на воде да на хлебе
В студенческих этих годах
Мы жили... как будто на небе!
Лишь звезды крошились в следах.
Кружили глаза, окружали —
Огромны, чисты и влажны...
Ах, свадьбы сынов возмужалых,
Вы — свет из далекой весны!

...Я взглядом обвел пировавших.
Увидел среди молодых,
Как бабушки — матери наши
Притихли в платочках своих.
Из памяти — дали морозной
Летел к ним все ближе, слышней
Раскатистый посвист полозьев,
Размашистый топот коней.
И звон оглушил колокольный,
И миг озарил красотой.
И радостно стало; и больно
От краткости, давности той.
И снова -- ни звонов, ни звуков,
И милые лица в тени...
О, свадьбы удачливых внуков,
Вы — свет из глубокой родни!
...Сквозь годы обрушилось: «Горько!»
И обнял невесту жених.
Шипучая пена восторга
Взвилась из бокалов хмельных.
И в тостах заздравных и шумных
Вздымался призыв без конца.
Пылали в застолье два юных,
Друг к другу склоненных лица.
Что ждет впереди их — узнать бы,
Но знания этого нет...
Ах, свадьбы, сыновние свадьбы,
Вы — в годы грядущие свет!

ЖИЛИ-БЫЛИ...

«Жили-были дед да баба» —
Сказки сладостный зачин.
Огонек, мигавший слабо.

Ласка бабкиных морщин.
И теплее одеяла
Добрый голос... Он угас.
Про себя ли вспоминала
Или думала о нас?
...Встанут годы — что колосья.
Взглянем в книжки сыновей:
«Жили-были»... Рассмеемся.
Надо б что-то поновей.
Сказка, думаем, забава.
Что бывало — нынче нет.
В сорок лет — какая баба,
В пятьдесят — какой же дед!
Только солнышко жар-птицей,
Хоть и светит горячо,
С твоего плеча садится
На сыновнее плечо.
Вот и сказка. Вот и свадьба.
И, тревожные сперва,
«Жили были дед да баба»
Сердцу вспомнятся слова.
А невеста, вторя всплеску,
Скинет белую фату,
Глянь, из лебедя в невестку
Превратится на лету.
Словно дочь она отныне.
И любуйся и дивись.
Встанет рядом сын, и в сыне
Муж проглянет. Вот и жизнь.
Сказкой свет ее заманчив,
Слышишь, в двери снова стук.
Входит мальчик. Что за мальчик?
«Здравствуй, дед! Я — первый внук».
И в квартире гам, толкучка.
Дверь откроется — и вот:
«Где ты, бабка?» — крикнет внучка

И глазенками сверкнет.
И под шорох листопада
Из счастливых детских снов
«Жили были дед да баба»
Добрый голос молвит вновь.

БАБЬЕ ЛЕТО

Яблокам на ветках не сидится.
Видно, сладость солнца тяжела.
Рядом проструится ли синица,
Прозвенит ли поздняя пчела —
И — готово — покатались с веток,
Падая, толкаясь на лету,
Синью освежая напоследок
Красоту, до блеска налиту.
Кажется, что это разыгрались
Яблони, что бабы спелых лет.
Каждая горит другой на зависть,
И уступок в красованье нет.
Разыгрались, яблоки бросая,
Будто в пляске — слышен стукоток...
А вчера и вправду здесь плясали,
Обмывали чьей-то службы срок.
Так плясали посредине улиц,
А потом еще и на юру,
Что за месяц золотой запнулись.
Ахнули, проснувшись поутру.
Во своем селенье и соседнем
В полколена устлан каждый сад —
Облетели яблоки весельем...
А у нас пока еще висят.

О ТЕБЕ

1

То открою, то закрою
Книгу, взятую давно,
То в одно, а то в другое
Чуть не стучаюсь окно.
Не пылится ли проселок,
Не мелькнет ли на холме
Старый «газик» между елок,
Ковыляющий ко мне?
Жил я долго одиноко
По суровости мужской,
И нависли возле окон
Гнезда, свитые тоской.
Ну, а ты легко и просто,
Лишь приедешь, вскинешь

взгляд —

И в глухие эти гнезда
Звонко ласточки влетят.

2

Ложь на сердце не приму,
Не преувеличу —
Поклоняюсь твоему
Женскому величью.
Столько сил откуда брать,
И тепла, и света?
Ведь твоя краса и стать
В общей незаметна.
Сами светятся дела
От прикосновенья,
Ты сама собой мила
В тихий час волненья.

И во мне ты жжешь зарю
С возрастом не меньше.
И сквозь жизнь твою смотрю
Я на русских женщин.

ЖЕНЩИНА

Женщина, уже немолодая,
В колыханье света и тепла
К солнышку внучонка поднимая,
Чувствует, что в осень забрела.
И она же, сыновей встречая,
Полная об их судьбе забот,
Если вспомнит годы, то случайно —
Будто бы под радуги идет.
И она же, оставаясь с мужем
(Господи, какой он стал смешной:
Седоватый, лысый, неуклюжий!),
Снова веет на него весной.
Той, когда черемуховый холод
Закружил их, заснежил навек...
Годы, годы — жизни переходы —
То цветы, то ягоды, то снег.

* * *

Ах, эти белые курганы
Черемух, снова молодых!
В них встречи жарки, речи пьяны
И вздох о юности, — все в них.
Шла женщина, остановилась,
Черемухой запуржена.

На жердочку облокотилась
И вдруг заплакала она.
О чем? Да нужно ли признание?
Ведь жизнь уходит. Уж прошла.
И все томительней желанье
Уюта, нежности, тепла.
Когда-то многое гадалось,
Да слишком малое сбылось.
Была любовь — осталась жалость.
И затуманилась до слез...
Клонилась женщина устало,
В ладони прятала лицо,
И, как в росе, у ней мерцало
На теплом солнышке кольцо.

* * *

Уже шуршит на тропке лист опалый,
В лесу, как в жизни, грустно и светло,
И многое, что раньше волновало,
Уплыло, отболело, отошло.
А что осталось? А любовь осталась
Как состоянье жизни. И она
Столь чисто — без соринки — отстоялась,
Что у меня в глазах рассинена.

III

СТОРОЖЕВОЙ ЛУЧ

Спать не могу. Лежу расстроюсь.
Недвижна ночь над головой.
И в глубине сознания — совесть,
Как будто луч сторожевой.
Откуда он? В окошках звезды.
Их блеск тревожен и могуч,
Но в этот час, глухой и поздний,
Нет, не от них щемящий луч.
Он жгуч. Он будто откровенье.
Он просекает толщи лет.
И чем обиднее забвенье,
Тем сокрушительнее свет.
Из рваной памяти, из боли,
Из мглы ошибочных дорог,
Из дел, которых не исполнил,
Из слов, каких сказать не смог.
Из полуправды, ставшей в горечь,
Из встреч, растрепанных уже,
Всеочищающая совесть,
Как жизни весть, горит в душе.

КУЛИГИ

Бывало, я найду кулигу —
Ну, свежий ягодник в бору —
И никого к себе не кликну,
А, затаясь, один беру.

И день за днем тропу дозору,
Чтоб не наткнулся кто иной,
И, будто краденые зори,
Ношу бруснику за спиной...
Об этом я случайно вспомнил,
Мальчишек встретив в тех лесах.
Шли порознь. Кто с корзиной полной,
А кто — увы — с тоской в глазах.
И замер я как виноватый,
К иному склонный дележу,
И закричал: «Пошли, ребята,
Я вам кулиги покажу!»
Но под восторженные клики
Я не узнал родной земли.
Ну где же прежние кулиги?
Все заросли, все заросли.
И ребятня печально сникла,
И я почувствовал тогда,
Как опахнула та брусника
Жарком давнишнего стыда.

ПЕЧАЛИ

Печали думать заставляют
И в шуме жизни, и в тиши.
Они, как свет в ночи, являют
И ширь ума, и глубь души.
И чтобы души не мельчали,
И чтобы разум не угас,
Не оставляют нас печали...
Беда, когда оставят нас.

КАЛИНА

Что цветешь, калина, поздно?
И о чем душе поет
Этот взвитый многозвездно
Над проселками полет?
Трону стынувшую ветку —
Снова памятью тянусь
К дорогому человеку,
Растревожившему Русь.
Рано, рано путь оставлен.
Вот и горько оттого.
Твой, калина, красный пламень
Бьется в имени его.
И под ветками твоими,
Где теперь пчелиный звон,
Не одно я вспомню имя —
Русь восходит от имен.
В них — отвага новых истин,
Гениальный разворот!
Только что-то слишком быстро
Время их дороги рвет.
Не печально ли, калина?
У тебя не оттого ль
Гроздья, холодом палимы,
Полыхают словно боль?..

ПЕРЕКЛИЧКА

Брожу в вологодских лесах
(О свет наших пашенных родин!)
И вижу, как Яков Ухсай
В чувашских орешниках бродит.

В обличье крестьянском его
Суровая нежность поэта —
И в мудрых глазах оттого
Так много лукавого света.
Он жизнью продут, прокален,
А жизнь — это крылья запева.
И в жизни не горбится он —
Из крепкого вытесан древа...
Я помню прощальную грусть.
Сказал он, годами постарше:
«Я смерти и той не боюсь,
Лишь в слове извериться страшно».
Он дружески руку пожал.
И словно в лугу от ромашек,
Сиял чебоксарский вокзал
От вышивок и от чувашек...
И вот в вологодских лесах
Брожу я по ясной погоде
И вижу, как Яков Ухсай
В чувашских орешниках бродит.
Мы порознь, а ищем одно,—
Мы ищем надежное слово,
Чтоб было оно как зерно.
Ведь столько набито половы!
И в улицах, пашнях, лесах
Мы бродим упорно и долго...
«Нашел ли ты, Яков Ухсай?» —
«Нашел!» — донеслось из-за Волги.

Пройдет и это, как сказал поэт
С улыбкой и печалью ясновидца.
Замены нет и повторений нет
Того, что было иль должно явиться.
Сажу на берегу в закате дня,
Смотрю на серебро воды...Так что же?
Ведь вместе с тем, что ненавижу я,
Пройдет и то, что мне всего дороже.

ДОЖДИНКА

Всего лишь капля... Миг — и нет,
Но с неба скатится дождинка —
И вырываются на свет
То лист, то почка, то травинка.
Всего лишь промельк, знобкий след,
Но ей полет высокий вedom,
И пласт моих прожитых лет
На миг она пронзает небом.

Я иду зеленым полднем,
И не молод и не стар.
Добрым чувством переполнен,
Терпеливей к людям стал.
К разным толкам-перетолкам,
К суматохе заводной,

К ссорам, долгим и недолгим,
Даже к глупости самой.
Но печально в близких людях
Видеть в подлинности всей
И пустое честолюбье,
И разгар пустых страстей.
...Ухожу и восвояси,
Бросив лишь с улыбкой взгляд.
«Почему ты рассмеялся?» —
Возмущенно говорят.
Молодые, жизнь в начале —
Не понять им все равно.
Лишь в ответ скажу печально,
Что на них глядеть смешно.
Это все давно я вызнал
И умею сам решить:
Что́ идет от сути жизни,
Что́ от мелкости души.
Обостренней стало мненье,
И спокойнее ответ,
И ровней сердцебиенье,
И все горше привкус лет.

СЛАВА

И честолюбие, и слава
Томили с юности, и вот
Душа взметнулась и ослабла,
Почувяв будничности гнет.
Душа взметнулась впрямь как птица,
Но та, что осенью, отстав,
Взлетает в небо, чтоб разбиться
О беспощадный ледостав.

И перед этой тайной явью
Твердит усталый человек,
Что не подвержен он тщеславию,
А славы не желал вовек.

РАБОТА

Сыну

Советами своими не мешая,
Скажу я об одном наверняка:
Гнетет работа — знать, она чужая,
Своя работа в тягости легка.
Порой и обессилит, и измучит,
Навалится бессонницей она,
Но сделает тебя сильней и лучше,
И ты в ней весь, и этим жизнь красна!
А сколько тех, кто, сил своих не вызнав,
Век проживет, не сделав ничего.
Их тяготит в пути ие бремя жизни,
А гнет неразуменья своего...
В себя смотри уверенно и строго
И выбирай работу навсегда.
А слава — что? У славы места много,
Но больше мест почетных у труда.

ТЫ

Ведь ты — не просто ты,
Лишь имя в списке.
В тебе все лучшие черты
Твоих же близких.
И тех, кого уж нет,
Кто жил задолго.
Ведь ты рождался сотни лет —
Подумай только!
И потому вобрал
Такие силы,
Чтобы на подвиги добра
Тебя вносили.
Чтобы судьбою всей,
Пусть даже краткой,
Явил ты в исконной красе
Родной характер!
А если упадешь
В глазах чужих, жестоких,
Твое убожество — как ложь,
Как тень,
 падет на стольких!..

* * *

Для черствого сердца
Нет большей улики,
Чем окрики злые
Да грубые крики.
Накопится совесть —
Утишится голос
И скажется все,
Что из боли исторглось.

Всего на свете хуже,
Хитрей всего — угар.
Намаемся на стуже
И рвемся в самый жар.
Кто — к печке, кто — к мотору,
Кто — к дикому костру,
А кто — и к разговору,
Где искры на ветру.
Скорей бы отогреться!
Не чувствуем сперва,
Как стелется под сердце
Опасно синева.
Лишь легкое круженье,
Жужжание в ушах
И первое крушенье —
В сторонку шаткий шаг.
В груди сильней удары,
Мы мним, что от тепла,
А это — от угара,
И кругом жизнь пошла.
Запросы, да вопросы,
Да впереверт езда —
И вот уже заносит
Черт знает и куда!
Очнешься в бездорожье,
Когда ты жив едва...
Так ум-то для чего же,
Своя-то голова?

* * *

Печений горы целые —
Что хочешь, выбирай.
Все белые да белые —
Ржаной бы каравай.
Кипения эстрадные —
На всякий срок и слух.
Все ладные да складные —
Родных бы нескладух.
Напитки за прилавками —
Пожалуйста, любой.
Все сладкие и сладкие —
Воды бы ключевой.
Объемами и суммами —
Во всяком деле счет.
Все умные, разумные —
Душевных бы еще...

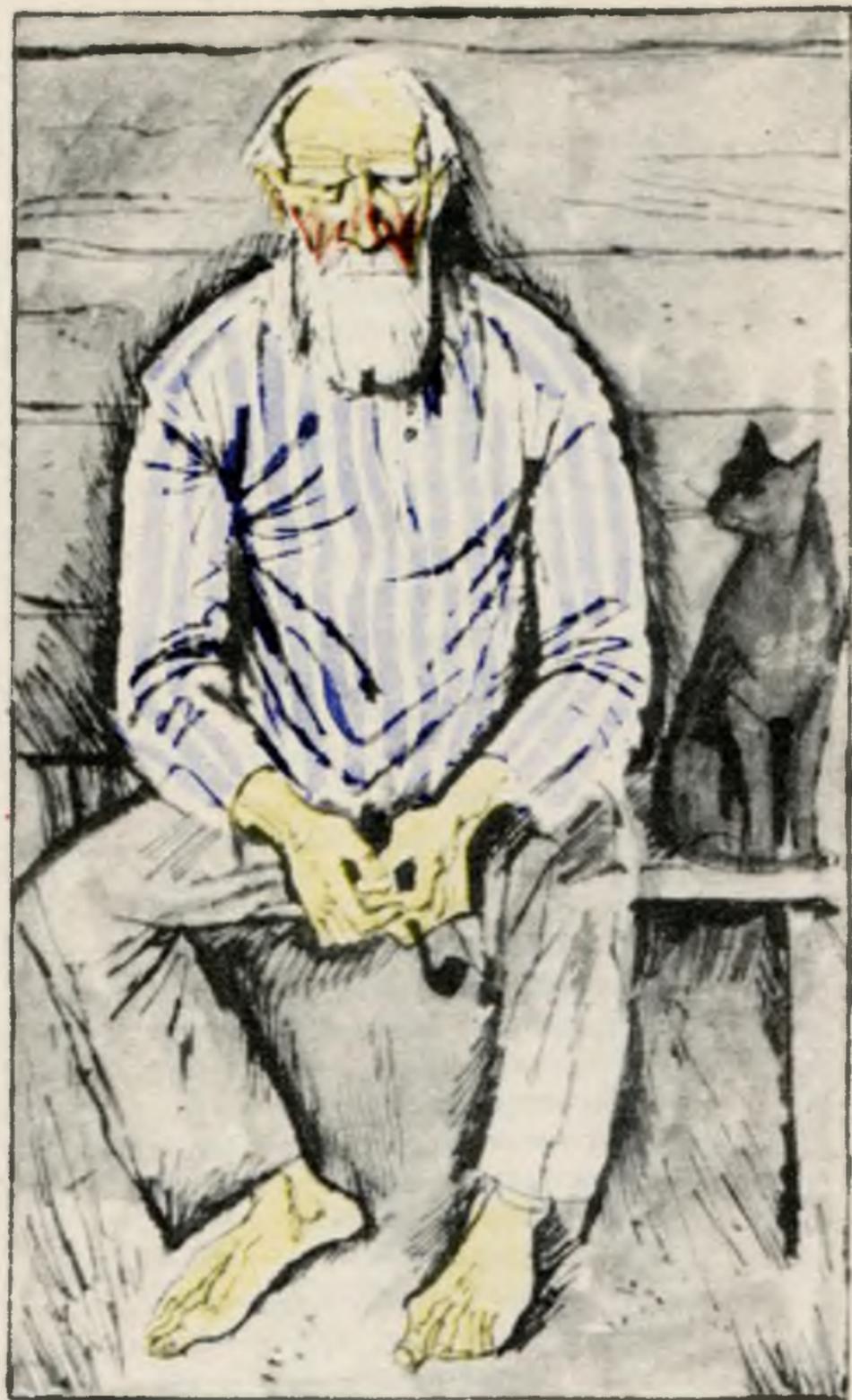
* * *

Когда тревожит окна дождь осенний
И для застолья крепкий чай готов,
Несуетливой хочется беседы,
Неспешных мнений и разумных слов.
Но разучились мы сходитья вместе
За чашкой чая по домам своим,
И даже торопливые наезды
Мы обратить в пирушки норовим.
Как надоели сбивчивые речи,
С оглядкой шепот, в мыслях кривизна!
О трезвое, ты где, простосердечье,
В котором глубь российская видна?
Где ты, суровость выстраданных мнений,

Которая уже годам под стать?..
Стучится в окна только дождь осенний,
И, значит, чаю снова остывать.
Пальто надену, в перелесок выйду,
А елки там, в наплыве облаков,
Напоминают издали по виду
Упрямых бородатых мужиков.
Прислушаюсь — ведут степенно речи,
И стряхивают слякотную грусть,
И бороды кладут ко мне на плечи —
И с мужиками я наговорюсь.

* * *

Без отпуска всю жизнь и без простоя
Мы ищем, ищем и найти спешим
Под сложным и запутанным — простое,
Родное — под наносным и чужим.
Своей души не обмануть вовеки,
Как не унять тоску и боль ее.
И бдительного разума поверки
Лишь обостряют зренья и чутье.
Беседуем ли с кем, идем ли, едем —
И новое мы в существе своем
Всегда души движением последним
Иль отвергаем или признаем.
И нет потемок — только светотени
Пронизывают наше существо.
И ненасытно это тяготенье
Искать с другими дружбу и родство.
Идем, идем... И вдруг в глазах — что высверк!
И мы пойдем по озаренью глаз,
Что мысль — опять! — слилась с подобной мыслью
И что душа душе отозвалась.

* * *

Слепят меня у теплой лавочки
Травинки росные с утра,
Как бы зеленые булабочки
С головками из серебра.
И удалые подорожники
То покачнутся, то замрут.
В ладонях держат остороженько
Бог знает что за изумруд.
Тропинка золотыми слитками
Передо мной умощена,
И кружевную нитью выткана
Среди ветвей голубизна.
Всё для души! Желать чего еще?
Любуюсь, радуюсь опять
И на несметные сокровища
Остерегаюсь я ступать.

* * *

Время будит... Звон часов
Падает, как будто
Это падает засов
Из потемок в утро.
Выходи и день твори!
Что-то, что-то будет...
Торопись: на две зари
Жизнь твоя убудет.

IV

РОДИНА

Слов певучих тихая отрада,
Ширь без края, белый всплеск берез...
Все, что в жизни человеку надо,
Воедино только здесь слилось.
Родина — одно на свете чудо.
Было так всегда и будет впрямь.
Лишь она и светит, и врачует,
Чтоб до смерти сердцем не скудеть.

* * *

Развернулись —

да вниз по Енисею!

Хватит плавать по кувшинковой воде!
Красноярск завьюжил красной каруселью
И пропал в дымах, как в лебеде.
Свежаком в лицо заохлодило
От разбега волн и облаков.
И несется теплоход, как льдина,
Меж палимых зноем берегов.
Годы и сомненья — будто в воду,
Хорошо, ой, хорошо!
На таком просторе не был сроду,
Не дышал сибирской черемшой.
А она — вдохни! — в нагорьях зреет,
Буйствует, пластается вповал.
Никогда таким внезапным зреньем
Я еще Россию не вбирал.

Стало мало родины мне малой:
Хоть мила, да все-таки мала.
Ширь земли, делимая Уралом,—
Словно два державные крыла!
И в руках зарадужили жарко
Сроду незнакомые цветы:
Марьин корень, а потом саранка,
Зноем и прохладой налиты.
И томяще из безбрежной дали
Сосны, сосны — сколь хватает взгляд —
По распадкам сизым выбегали
Золотистой теменью лосят.
С ветровыми далями встречаясь,
Я искал и в них родных начал.
И росла, и ширилась причастность
Ко всему, что видел и встречал.
Говорил я Енисею: «Здравствуй!»
Родина — как этих скал литье!
И высоким делало пространство
Личное достоинство мое.

В УСТЬ-ЦИЛЬМЕ

Вас. Журавлеву-Печерскому

Распахнулся друг: добро пожаловать!
Сколько лет я не видался с ним!
А увидел... Эх, верней, пожалуй:
Сколько зим не видел, сколько зим!
Тем сердечней обнялись да выпили,
Тем щедрее вспыхнули в тепле
От печерской самолучшей рыбы
Красные пожары на столе.

За окном леса туманно-сизые,
За лесами — версты непогод,
И туда плывет с верховьев книзу,
К морю, по Печоре теплоход.
Да, с верховьев... Как иголки хвойные,
Блики то колючи, то мягки.
Ну, а наши живы ли верховья?
Не теснят ли гиблые пески?
Пустоцветом часто веет смолоду,
И до рек не все бегут ручьи...
Нет, я вижу — жизни крепкий солод
Бродит в нас и на душе горчит.
Значит, жить и круче ношу взваливать,
Не искать стоянки запасной,
А катить — хоть в славе, хоть в бесславье —
Дни свои разливной белизной.
Чтоб не тосковали ивы горькие,
А шумели... Только нет, постой —
Это может каждая моторка,
Звонкая от легкости пустой.
Надо бы буксирной тягой ровною,
При которой даже трос трещит,
Как плоты для дела годных бревен,
Дни свои и годы протащить.

* * *

Он не молодой, но и не старый,
И себя он представляет так:
«Дедом звать. Я капитан-наставник.
У меня на шхунах молодняк».
Говорит, не улыбнувшись даже:
«Вон и шхуны...» Я смотрю туда —

Проплывают медленные баржи,
Круто прогибается вода...
Нравится достоинство такое
И в глазах лукаво-синий свет,
Нравится веселого покроя,
С крабом, лихо сдвинутый берет.

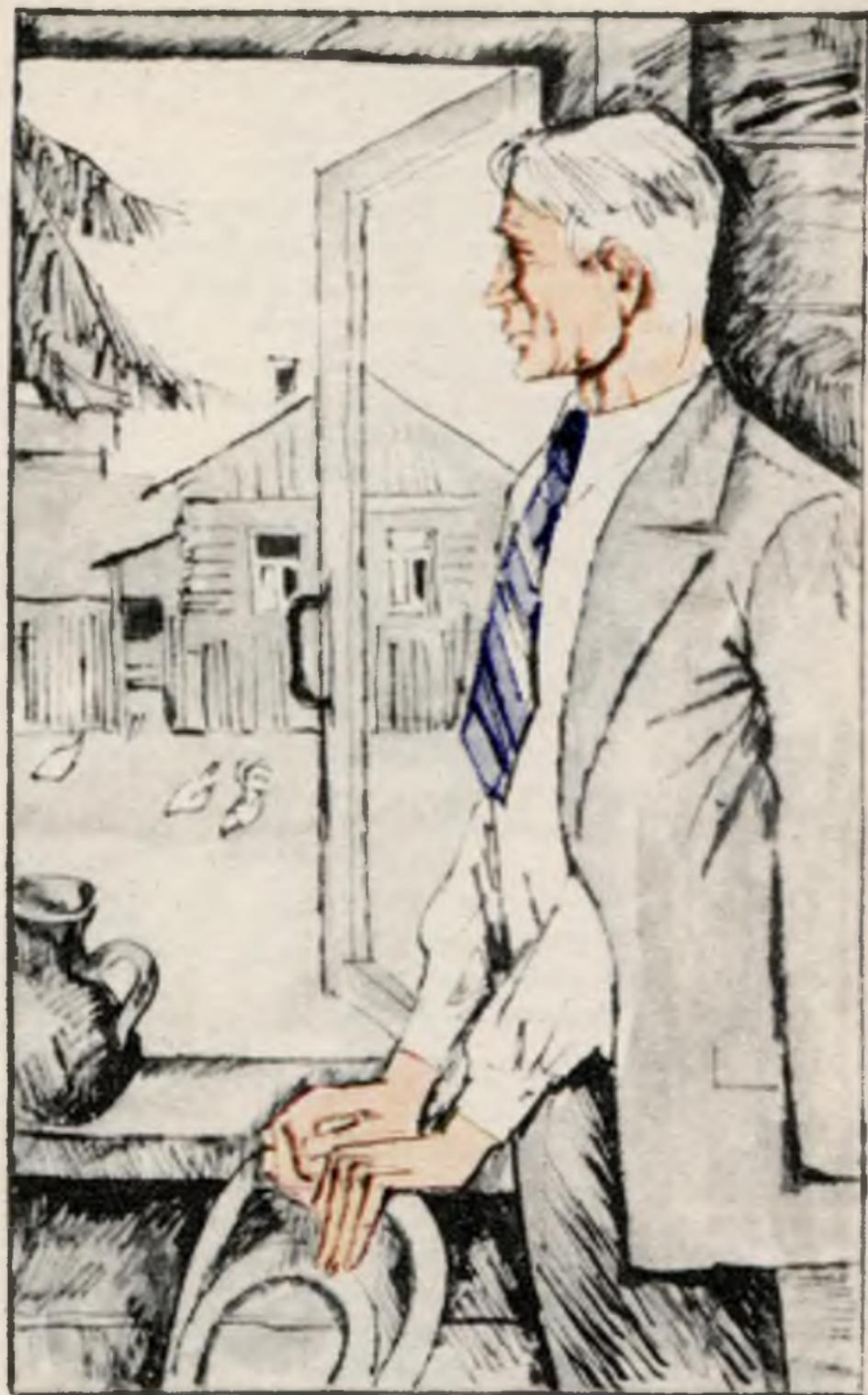
КОМИ МУ

Визинга светла и древнекнижна,
Сыктывкар зеленосвеж и горд,
Золотиста песенная Ижма,
И высок рябиновый Разгорт.
Звонкость мест летела и не меркла,
Смысл чужой ручьистой речи креп:
Му — земля, а дом, строенье — керка,
Ну, а нянь — как точно! — это хлеб.
Войрун, значит иван-чай, весельем
Закипал и буйствовал обочь
(Рунь — трава, а вой — и ночь, и север) —
Северная розовая ночь.
И в домах над тесным многорыбьем
Говорили: «Здравствуйте, чолём!
Юам!» — мне кричали (значит — выпьем!),
Окрылив стаканы над столом.
И слова звенели разной ковки,
В звон один сливаясь вдалеке.
Если речь о песнях, то на коми,
А про жизнь — на русском языке...
Синева текла за перелески
Над струею темных кедрочей.
Где-то здесь бродил и Стефан Пермский,
Устюжанин — первый книгочей.

Где-то здесь, у вольных перекатов,
Перекаты чуя в языке,
Первобытье строк Иван Куратов
Обжигал для крепости в тоске.
Все родит. И даже вон березки,
Словно дома, смотрят с-под руки,
Трогательно, в точь по-вологодски
Подвязавши белые платки.

ТРАКАЙСКИЕ ОЗЕРА

Когда устанешь от забот и слов,
Скажу, пусть невпопад, средь разговора:
«А далеко-далёко меж холмов
Зеленые тракайские озера...»
И замолчим. И вновь охватит нас
Теплом песка. Он янтарем расстелен.
И в глубине твоих славянских глаз
Литовский хмель мелькнет, лукав и зелен.
Он золотисто зрел по берегам
И обвивал кусты игрой узора,
А глубь небес распахивали нам
Прозрачные тракайские озера...
Что возраст, годы — лишь была б любовь!
И ты, другим ни в чем не уступая,
В расплеске волн казалась голубой,
А из воды ступала золотая.
Окатывали радостью меня
И близость губ, и мимолетность взора,
И сосен шум глухой, и ярость дня,
И гулкие тракайские озера...
Дубы темнели, в горизонт влиты.
Они в тиши до сердца доносили
Тревожные сказания Литвы

С глубокими сказаньями России.
И красный замок башни распростер
Подобием забытого дозора.
Он выходил из сумрачных озер,
А уходил в певучие озера.
И жизнь сверкала, пенилась вокруг:
В разгоне яхт и в стуке кружек пива —
И в нашу речь литовской речи звук
Вплетался мягко и неторопливо...
Нет, никаких не надо больше слов,
Когда напомним я средь разговора:
«А далеко-далёко меж холмов
Зеленые тракайские озера!»

ОТЧИЙ ДОМ

В молодые годы
Тесен отчий дом
И куда угодно
Из него пойдем.

Но из мест далеких
В средние года
В отчий дом дороги —
Праздником всегда.

В годы пожилые,
Свой имея дом,
Мы с тоской впервые
Вспомним о другом.

А в седые сроки,
В час последний тот,
В памяти глубоко
Отчий дом сверкнет.

ПОЭМЫ

ПАВЛА

1. СЕРЬЕЗНЫЙ РАЗГОВОР

— А ну садись-ка, Павла, к чаю!
— Да что вы, посижу и тут.
Вот знаю, как вас величают,
А не припомню, как зовут...—
И смотрит на меня с прищуркой.
А тетка шепчет ей опять:
— Да Олександром. Раньше Шуркой,
Он все в ученье — негде знать.—
Гляжу, она к столу садится.
— Ой, Шура, память — что дыра.
Уж не тебя ли это вицей
По кой-то год в гумне драла?...—
И мне забавно вспомнить это.
Я Павле говорю:
— Меня...
Мы там покуривали летом,
Боялись тяткина ремня...—
И вот уже смеемся вместе
Над тем, что было так давно.
Ее пора и наше детство
В одно застолье сведено.
— Гляди-ко, стал какой разумный!—
Качает Павла головой.—
А я тогда была резвуньей,
Какой была я молодой!—
И, что-то вспомнив, замолчала.
— Была и вправду — соловей!
А ныне девки — что чучавки
С худым снопом на голове.
Навьют кудрей как мотовилом,

Как косоватым батожком.

А платья — господи помилуй!

И ходят все шажком, шажком! —

Встревает тетка:

— Ну так, Павла,

Другая ныне и еда.

Мы из муки ржаной, бывало,

Заварим кашу иногда.

Горшок — не охватить руками —

Сперва ошпарим кипятком

Да из загнетки красный камень

В него закатим кувырком.

Да со сметаной брусницы

Надавим в плошке через край —

И ешь, да, чтоб не подавиться,

Ты вразумительно глотай.

Вот это каша-повалиха!

Поешь ее, ржаную, всласть —

Глядишь, и в дрему повалила,

С нее и силушка бралась.

Да, все бывало, все бывало...—

И так мы долго речь ведем.

И вот уж спать уходит Павла

В руке с пугливым фонарем.

И тетка мне готовит ложе

В углу, в котором лик святой.

— Хоть ты и служащий, но все же

Ложись-ко к богу головой...—

Я улыбаюсь безотказно,

Ложусь, и не могу я спать.

И вспоминается мне фраза:

«Он все в ученье — негде знать».

Да ведь и правда: жил годами

В больших и разных городах,

А приезжал в деревню, к маме,

То все как будто второпях.

Да я ль такой! Валили валом
Мы все дорогою одной,
А эти Дарьи, Марьи, Павлы
У нас ломили за спиной.
А кое-кто с высокомерьем
Нас попрекал, застав врасплох,
Крестьянским корнем и деревней,
Как будто этот корень плох.
И мы, не то чтобы поверив,
Но по наивности своей
Стесняться начали деревни,
Ну, то есть наших матерей.
И, в отпуск приезжая краткий,
Напялив модные штаны,
На деревенские порядки
Глядели мы со стороны.
Гордясь, не думали покуда
Того в ребячестве своем,
Что хлеб насущный, он — отсюда,
Отсюда песни, что поем.
Смешная, право, вышла штука.
А что касается меня,
Еще отсюда и наука --
Глагол, и вицы, и ремня.
Теперь мы многое узнали...
Не дай нам бог, чтобы опять
Еще о ком-нибудь сказали:
«Он все в ученье — негде знать».

2. СОН

И говорит серьезно Павла,
Бочком придвинувшись ко мне:
— Ведь на гулянку я попала
Вчера.— Да это где? — Во сне.
Ну, смейся, смейся, да поверь мне.

Вот, значит, я вчерашним днем —
Не видел ты — бегу деревней
На праздник в платье одном.
Бегу лужком в полусапожках
Я восемнадцати годов.
Деревня в песнях да гармошках —
Вся зачерпнулась до краев.
И вьюсь я в пляске в тесном круге —
Пусть смотрят выходку мою.
И мне завидуют подруги,
И парни жмутся на краю.
А хромка полымем огнистым
Кипит другим наперебой.
Решаю я о гармонисте:
Не знаю — чей, а будет мой.
И точно — будто бы устала,
Беру я под руку его.
И бродим тихими местами,
Уже не видя никого.
Он за плечом несет гармошку,
А я смеюсь, травинки рву.
Нарочно я роняю брошку
В сторонку, в теплую траву.
Ее мы ищем, где упала,
А травы ходу не дают...—
И замолчала грустно Павла.
— Чего молчишь?
— Проснулась тут.
Чего бы сон, а вот тоскую.
Голубчик, больно я стара.
Хоть на себя не на такую
Полюбовалась я вчера...—
Встает, с досадою вздыхая,
И на меня глядит опять:
— Ведь где-нибудь да молодая
Должна же я существовать.

Ужель была да и пропала?
Вот ты ответь,
Я обожду...
Эх ты, ученый,— дразнит Павла,—
А сон-то, думаю, к дождю...—
И вправду — вскоре из-за леса,
Как будто сами елки вплавь,
Ползет гроза тяжеловесно
В томленье душного тепла.
Слепит, гремит и барабанит,
Звенят дома, вскипает пруд,
В зеленых гривах табунами
Березы во поле бегут.
Смотрю я радостно в окошко —
Деревня в грохоте ручьев,
Как будто в песнях да гармошках,
Вся зачерпнулась до краев.
И вижу там, где тучи тают,
Где солнце брызжет над травой,
Гуляет Павла молодая
В наряде с брошкой огневой.
И с гармонистом под навесом
Стоит, травинки теребя,
За этим полем, этим лесом,
За шумным праздником дождя.

3. ВОПРОС

— А пошто,— спросила Павла,—
У годов не ровен свет?
Все запомнила до мала
Из своих начальных лет.
Из девичьих — тоже много,
А замужних — так до дня.
А из вдовьих... ради бога,
И не спрашивай меня.—

Так сказала, что я замер.
Руки сдвинула, скрепя,
И морозными глазами
Посмотрела в глубь себя.
И вздохнула как-то скорбно,
Будто и не наяву.
— А пошто теперь-то годы
Я не помню, а живу?
Ну, пошто? — переспросила,
Посмотрела мне в глаза...
Я сдержал себя насилиу
И смолчал.
А что сказать?

4. ДУМЫ

— О чем ты думаешь ночами?
— А я ночами, Павла, сплю.
— А я так нет. Спала сначала,
Теперь лишь каплю подремлю.
Сна нету бабам-одиночкам,—
Вздыхает и мрачнеет вдруг,—
Жизнь пролетела, как по
кочкам,
Подумать было недосуг...
А в девках бегала к гадалке
В потемках в страшную избу,
За полшалонок без утайки
Сказать просила про судьбу.
Гадалка повела рукой
И начала, все помню я:
«А море, Павла, глубоко.
Вода на море темная,
Вода помутится, потом
Раскутается солнышко,

И станет видно в море том
В песочке желтом донышко...»
Вот так... А жизнь-то за плечами
Туманами обволокло,
И все мне слышится ночами:
«А море, Павла, глубоко...»
И впрямь: лежу вот на

песочке —

На печке, донышке своем,—
Как бы не дома, не у дочки —
На самом том на дне морском.
И надо мною волны, волны...
Но пригляжусь — и на виду,—
Ведь это я в дугах зеленых
Прокосы шумные веду.
И мужа вижу. Мой — на

зависть

Всем здешним славницам. Пригож.
«Эк,— он смеется,—

размахалась

И мне проходу не даешь».
Но тут все мутится. Лишь

горько,

Как будто с карточки, мелькнет
Он в полинялой гимнастерке
И канет с глаз в водоворот...
И станет больно мне и страшно,
Хоть дочь буди... Черно кругом.
Да это ж борозды на пашне,
И я с конем, и я с конем.
Но тут опять, что гору взгорбит,
Накатит новою волной...
Нет, слышь, не волны это —

скорби

Плывут ночами надо мной...

5. БОЛОТО

— Не ходи, Олѣксан, на болото,
Не ходи, дорогуша, один.
Неужели погибнуть охота
Посреди проклятущих лядин?
Там, голубчик, обманно и глухо:
Поглядишь — вроде кочка, а нет —
Голова волосатой старухи
Затрясется и спутает след.
Ты — к другой, ну, а кочка другая
Волосатей еще, пострашней.
Под ногами она заморгает
И задохнется от пузырей.
И назад ни за что не отпустит.
Стон пойдет по болоту такой,
Что тебя не поддержит ни кустик,
Ни валежина под рукой.
И окажешься ты у хозяйки
Места гиблого, а она
На коряге сидит раскорякой,
В тине вся, зеленым-зелена.
И волосья когтищами чешет,
«у» да «у» — головою трясет.
А увидит тебя — так и в клещи,
А когтищи-то синие — лед!..
Ну, не хвастай, что ты не пугливый,
Нынче все вы, безверные, так:
Вам и диво как будто не диво,
Вам и слово как будто пустяк,
Нет, кормилец, а я не ругаю.
А пошто? Раз надумал — ступай.
Только, слышь, направляйся-то гарью,
Там поягодней высыплет край...—
Мне всегда говорить с ней забавно:
Явь и сказки едино храня,

Вот опять приповадилась Павла
И пытливо глядит на меня.
Чтобы нравилось ей, по старинке
Пред уходом сажусь на порог.
В золотистой и легкой корзинке
Пахнет родиной теплый пирог.
Выхожу я из дома, как будто
Захожу в молодые года.
И шепчу про себя: «Здравствуй, утро!
Здравствуй, лес! Я вернулся сюда!»
А в крови растекается радость
Холодком и бодрит меня так,
Что от прежнего только остались
Разве кепка на мне да пиджак.
Вот и сосны по краю болота.
Кепка валится — так высоки,
Прошибают заоблачье с лёта,
Будто огненные языки.
И тропа истлевает. А дале
Только мхи да разводья вокруг.
Я ступаю несмело вначале
И качаюсь тревожно: а вдруг...
И робею, как древний язычник,
Среди этих просторов глухих.
Но — смотри — наплывает черничник,
Словно синяя туча, на мхи.
Всюду ягоды в листьях-ресницах,
Как зрочки, и черны и влажны.
В них как будто бы полночь таится,
И хмелит от такой ворожбы.
Манят, манят, чаруют, чаруют —
И в тумане, как чару вина,
Я корзинку несую золотую,
А она синевою полна.
Где же выход из этого плена?
Я пугаюсь, и клонится день,

Уходя за леса постепенно
С шапкой солища, уже набекрень.
А куда ни шагну — всюду плавно
След уйдет из-под ног в забытье.
Тут как раз и припомнится Павла
И ужасная сказка ее.
Все, что дома напела старуха,
Оживает навязчиво тут.
Где безветренно, затхло и глухо,
Там и страхи извечно живут.
Начинаю кричать. Только голос
В этой зыбкой, коричневой мгле
Лишь взлетит и растает, как волос,—
И один я на целой земле.
Сроду чувства такого не ведал,
Не готова к такому душа.
И страшит, что иду я бесследно,
Словно тень на земле, мельтеша.
А над ней небеса голубые,
Будто вечность, текут облака.
И душа замирает впервые
Оттого, что слаба и мелка,
Оттого, что я в жизни короткой
Так подолгу бездумно живу...
Ах, скорей бы хоть чей-нибудь отклик,
Хоть бы встретить кого наяву!
И — вот жизнь! — в тишине полудикой,
Заставляя рвануться вперед,
Чей-то голос летит паутинкой,
Вьется в соснах, кого-то зовет.
Я — туда, огибая разводья,
Я спешу и уже изнемог.
Вижу, вижу — вон женщина бродит,
Издали белеет платок.
Набруснит покрупнее черничин
И как будто из пригоршней пьет.

Неизвестно, кого она кличет,
Может, пробует голос, поет?
Я ее окликаю устало,
И она среди зеленых ветвей
Улыбается: так, мол, и знала —
Кто-нибудь да откликнется ей.
— Что,— она говорит,— заблудились?
— Заблудился,— я ей говорю,—
Проводи,— говорю,— сделай милость,
Чем могу, отблагодарю.
— Эх,— смеется она хитровато,—
Бабы спросы, смотри, нележки.
Не прожить вам без нашего брата:
Всё плутаете вы, мужики...—
А глаза,— только вскинет ресницы —
И уже не уйти от судьбы,
И опять и гореть, и томиться
От веселой такой ворожбы.
Проводница глядит, торжествуя,
Я иду, будто пьян без вина,
И корзину несу золотую,
А она синевою полна.

6. ВНУК

Под громовой грачиный вылет
Выходит Павла, рядом внук.
И он бежит, шажками сыплет
И отбивается от рук.
Шатает Павлу, будто елку,
Упала, если б не батог,
Но наклоняется вдогонку
И к нам с внучонком на порог.
А внук — раздеть его сумей-ка —
Как вихорь крутится у ног.

Но вот на гвоздь летит шубейка,
Шапчонка, шарфик, свитерок.
И выпростала из одежды.
Ах, внук! Им все озарено!
— Постой-ко, Павла, у Сережки
Вон что-то под носом черно.
— Черно,— она с улыбкой дразнит,
Смахнув две темных полосы,—
Лиха беда. Не видишь разве,
Что у него растут усы...—
Смеемся мы, топочет внучек,
Садится Павла у стола:
— Сережка мне как теплый лучик,
В него вся радость перешла.—
Цветем — забыли и работу:
По полу вдоль и поперек
Снует шалун — щипнуть охота,—
Ну колобок, ну снегирек.
Вновь Павла нам: — Ой, беспокоюсь —
Любуюсь им, покуда мал.
А человек — ведь это совесть.
Добро бы, совесть перенял.
Хорошим будешь? — Павла внуку.
Тот отвечает ей кивком,
Как будто чувствует науку.
— Ну, подрастешь, взгляну потом.
— Потом? — мы все в немом вопросе.—
Ведь ты...

— Да знаю, что умру,
Да не совсем умру, не вовсе,
Душой-то буду на миру.
Душа, она всегда живая.—
И ловит внука.— Стой, постой!
Ишь, глазки дремою сшивает,
Пойдем-ко, солнышко, домой...—
Встает, откланявшись, как прежде,

И в ней, отзывчивой всегда,
Непреходящие надежды
И неизбывная страда...

7. ПОЛОВИКИ

«Кросна в избу волоки,
Стану ткать половики!»
С чердака достали кросна
(Как их зять не нарушил?),
Затуманились с мороза
Корневым загибом жил.
А меж ними, лег навой
Барабанно-круговой.
Притужальником приперта
Крепко пришвица, как встарь,
И висят золотые берда —
Ну, возьми, взмахни, ударь!..
Павла, царственно-серьезна,
Подвигается за кросна,
Зять, молчавший до поры,
К ней — не без оглядки:
«Людам надобны ковры —
Не такие тряпки». —
«Всем ковры! Ой, богачи, —
Павла усмехается, —
Глянь на них и отскочи:
Цены-то кусаются...»
Эх, суровая основа,
Ослепительный утók,
Обнимайтесь, пойте снова
Возле рук и возле ног!..
По деревне к ней трух-трух,
В доме тесно от старух.
«Городские-то обноски, —
Павла им дает урок, —

Рвите, девки, на полоски
И мотайте их в челнок». —
И давай вперегонки
«Девки» ткать половики.
А у Павлы, а у Павлы —
Лучше всех, настолько славны.
Говорит, что внучкам ткет.
В отпуск явятся, и вот
Им из рук — да на́ руки
Вытканые радуги.
Пусть везут по городам,
Стелют радуги и там!

8. СЕКРЕТ

— Живешь ты, Павла, не старея!
— А я забыла о годах,
И нет досужего-то время.
Все канителюсь на грядках.—
И опирается устало
На заступ, щурясь от тепла.
— За век-то сколько зорь вставало,
А ни одной не проспала.
Встречаю их и провожаю,
Купаюсь в зорях с малых лет.
— Ты зоревая... — А пожалуй,—
Смеется,— слушай-ко секрет.
Ленивы дочь-то с зятем нынче,
Так я к часам исподтишка,
Чтобы постукивали шибче,
Два привязала камешка.
Часы с кукушкой. Ходят рьяно.
Как закукуют вдруг зарю —
И вскочит дочь: «Ой, вроде рано». —
«Вставай, не рано», — говорю.
И зять за ней на кухню выйдет.

А дел-то, дел — невпроворот.
Но скоро мой секрет увидят.
Ведь попадет мне? — Попадет.
— Да пошутила я. Хотела
Так попугать. Кукушку жаль.
А сам-то как? — Да не без дела.
— Бездельем мать не печаль...—
И налегает вновь на заступ,
Как бы смыкается с землей.
Метет в глаза кипреем красным,
Как будто жизнью зоревой.

9. СТУДЕНЫЙ

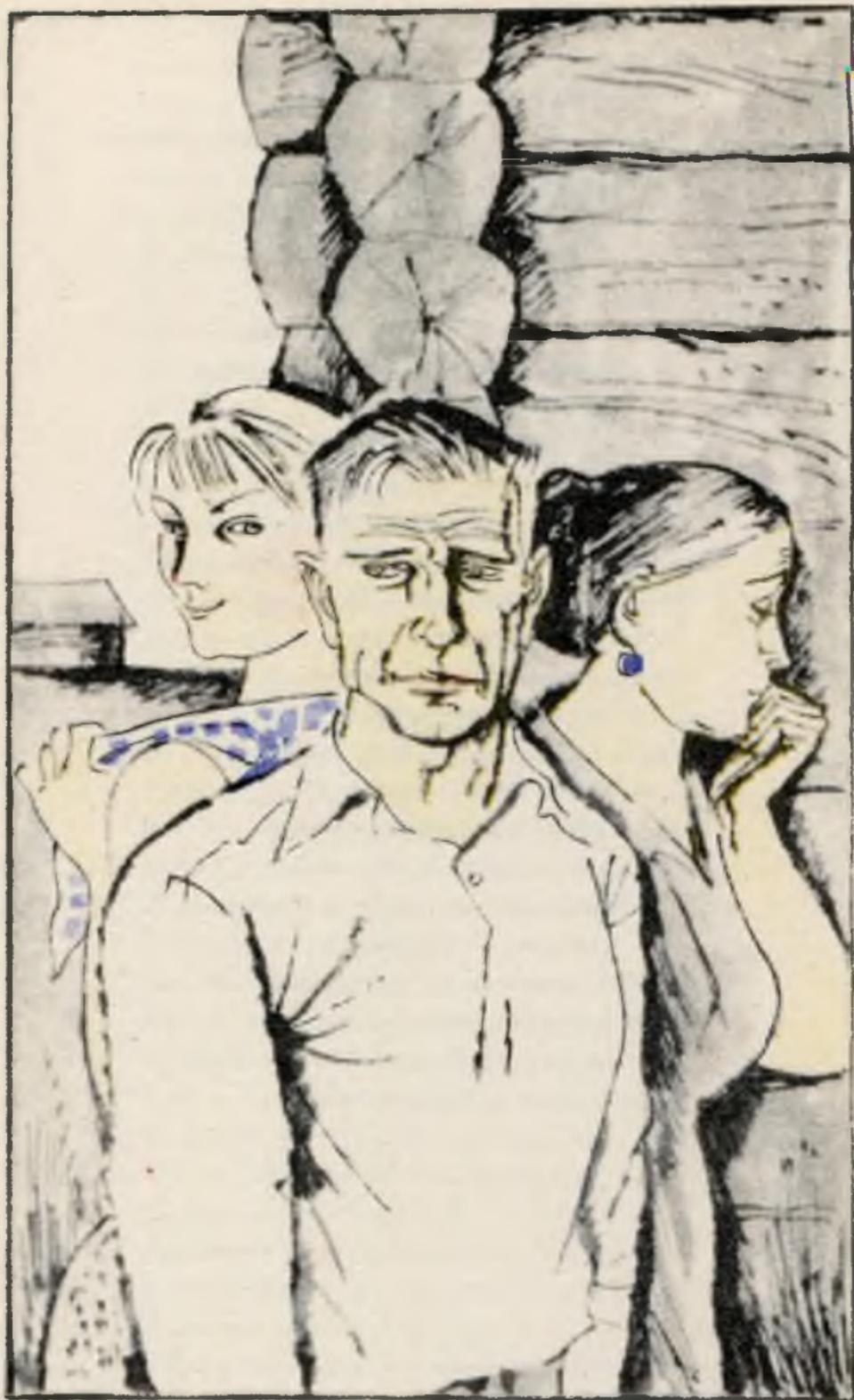
Опять зову я Павлу к чаю.
С весны не виделись. Она
Какой-то скрытою печалью
Впервые так удручена.
— Мороз-то, Павла, ох и студит!
— Схватил, так еле добрела.
Да что мороз — студены люди,
В них поубавилось тепла.
— Как так? — А ты людей послушай,
Ну, хоть приди ко мне домой.
От слов метелью тянет, стужей:
То крик, то брань, то... боже мой!
— Мир не берет, поди-ка, с зятем?
— И е ним. Но он не хуже всех.
А вместе уж за стол не сядем:
Взгляд ледяной. Нейду на грех.
— Так, может, он не в духе? — Что ты!
Студеный он. Душа в вине.
Вчера в снегу прибrel с работы
И с разговорами — ко мне:
«Кого винишь, что жизнь такая,
Что ругань десять раз на дню?»

А я ему: «Себя ругаю»,
А я ему: «Себя виню.
Виню, что я под старость, ну-ко,
Не припасла себе угла,
Виню, что вынянчила внуков,
А все еще не умерла...»
И стихла. Холодом подуло
И от нее, от этих слов.
И я молчу, сижу сутуло
И слышу мерзлый треск углов.

10. РАЗГОВОР О ПИСАТЕЛЯХ

— Все пишешь, голову ломаешь,—
Меня жалеет Павла вновь,—
Тяжеловату выбрал залежь,
Поморщишь лоб, похмуришь бровь.
— Что ж, поострю покрепче перья.
— И жми на правду, как и мы.
Ох, я люблю стихотворенья,
Хоть поучилась три зимы.
Вот эти помню. Ну, послушай...—
И замер я. В тиши сидим.
И голос, лишь душе послушный,
Возник из дальних лет и зим.
Он сбивчив, радостен и ласков,
Как вздохи жниц, как взмах косцов.
В обнимку Пушкин и Некрасов,
Бок о бок Майков и Кольцов.
И я смотрю, дивлюсь на Павлу:
В ней все несчастья превозмог
И не погас горевший смалу
Высокий пламень чистых строк!
Остановилась от волненья,
Платком смахнула жар со щек.
— А кто сложил стихотворенья?

— Конечно, Пушкин. Кто еще?—
Добро бы жить с такою верой,
Но говорю: — Не только он.
— Ну, пусть, а Пушкин самый первый,
Он богом нам определен.
— Вот молодец! А знаешь, Павла,
Кого из нынешних живых?
— Ну, я по радио слыхала,
Где знать, а кто живой из них.
Иной раз клонишь, клонишь ухо —
Писатель, слышу, говорит.
Лишь в ухе звон, а в сердце глухо,
Не вздрогнет и не загорит.
Вот, правда, я Белова знаю.
К нам приезжал в какой-то год.
Тот не по верху, не по краю,
А посередке жизни прет.
И голос Фокиной я помню,
Начнет рассказывать она —
Душа опять к родному корню,
В поля, в луга, унесена...
Эх, мало складывайте, мало,
Мы и не слышим вас почти.
— Ну, о тебе сложу я, Павла.—
Она смеется: — Не шути.
В стихотворенье я не влезу,
Куда такую городьбу?
Мне ходу из леса да к лесу
Да на печь в старую избу.

ТРИ ЗАРИ

1

То ль нарочно, то ль случайно,
Ношу взяв под самый низ,
Грабли, встретясь, простучали
И не сразу разошлись.
Вскинул взгляд Иван и замер:
Машка встала на подхват,
Испытующе глазами
Зацепила смутный взгляд.
— Помогу, Иван Савельнч,—
Обожгла витьем волос,—
Стариковская-то немочь
Обессилела небось...—
Сердце стронулось, вскипело
Так, что вымолвить не мог,
Лишь сглотнул оторопело
В горле вспыхнувший комок.
И от глаз, его вобравших,
В самом деле вдруг ослаб.
Эх, случись бы это раньше,
Ну, на двадцать лет хотя б —
Он нашелся бы, сказал ей!
А теперь,
Вот в этот миг,
Задохнулся пред глазами,
Словно вверх взлетел мужик.
Так близки глаза, что жутко,
Луг и небо — все они.
Прошептал Иван: «Ма-шут-ка,
Черт, ну что же — подмогни...»
И взметнули над ометом
Ношу сена впопыхах.

Полыхнуло диким медом
У обоих на губах.
Сено сыпалось, колелось...
Только вдруг в возне шальной:
— Эй, Савельич! — чей-то голос.—
Где ты? — кликнул за спиной.
В страхе он от губ отпрянул,
Как возник из-под копны.
Бабы шли к омету прямо,
Потаенно, не слышны.
С торопливо скрытой шуткой,
Чтоб волнение унять,
Усмехнулся: «Мы с Машуткой
Зачинаем стог метать».
— Зачинайте, зачинайте,—
Бабы бросили намек,—
Только крепче уминайте,
А не то — какой же стог.
— Да и сами мы с глазами,—
Намекнул и он в ответ,—
Да и дело это знамо,
Будет стог, каких и нет...—
И, смеясь, взлетела Машка
В пене зелено-сенной.
У колен ее рубашка
Провихрилась белизной.
Что за дьявол в этой бабе!
Придурь грешная сладка,
Будто с маху на ухабе
Покачнуло мужика.
Все забыл: свою Наталью,
С коей тянет целый век;
Годы, скрытые за далью;
На висках, в сенинках, снег;
Хвори, боли и осколки,
Сторожившие войну,—

Все забыл и видел только
В небе женщину одну.
— Что руками не шевелишь? —
Подливали бабы хмель.—
Что стоишь, Иван Савельич,
Будто старый журавель? —
Над копною вскинул вилы,
С шумом вырвал тяжкий клок
И, почуяв, нету силы,
От растерянности взмок.
Отдышался незаметно,
Будто сызнава его
Просквозило мятным светом
И проветрило всего.
Стал размеренней во взмахе,
Обходя омет кругом,
Будто в красной он рубахе,
В красном лете молодом.
Только что же? Не Наталья,
Смуглотою ног горя,
То скрываясь, то взлетая,
Вьется там, у стожаря.
А ведь это было, было!
Или виделось во сне,
Или в первый раз наплыло
В этой знойной белизне?
Два обличия мешались
То ль на сердце, то ль в глазах.
Поминутно обнажались
То ли удаль, то ли страх.
Как серебряная мелочь,
Листья сыпались меж вил.
— От травы-то, ой, Савельич,
Всю меня ты растравил!..—
И сама дразнила взглядом,
Платьем в выплеске лихом.

И ходила с солнцем рядом
Сокрушительным грехом.
Выше все и уже, уже...
Ну, еще один рыбок —
И зеленым полукружьем
В синеву врисован стог!
И над самым тем закрайком,
Руки вскинув — два крыла,
Как заоблачная чайка,
В небе женщина плыла.
Взмах иль шаг неосторожный —
И качнется высота,
Но душа опасной дрожью,
Как хотелось, налита,
Вся была как зов, как вызов,
Попирающий предел,
И Иван Савельич снизу,
Замерев, застыв, глядел.
И опять шутили бабы:
— Да закрой, Савельич, рот,
Поддержи ее хотя бы —
Ведь и вправду уплывет...—
И взвилось звонкоголосо,
Дикой удалью пьяня,
Над людьми и над покосом:
«Ну, имай, имай меня!»
Словно время расколосось,
И сквозь жизнь, по самый край,
Проносился женский голос:
«Ну, имай, имай, имай!»
Как призыв и как моление,
Как томление и игра,
Ослепление и прозрение
Сути жизни и добра.
Вспыхнув силою могучей
И поймав за жаркий стан,

С гребня стога, словно с тучи,
Принял женщину Иван.
Жадно, будто без рассудка,
Задержал, качнувшись вбок,
И в лицо ей: «Ну, Машутка!» —
Только выдохнуть и смог.
Встрепетала впрямь, как птица,
Но не выпала из рук.
Жаром тела, зноем ситца
Разность лет спалила вдруг.
Прошептала: «Бабы рядом,
Отпусти, потом приду...»
Стог окинув гордым взглядом,
Отряхнулась на виду.

2

Принесла простокваши на стол,
Да такой — холодели стаканы,
Когда булькал из банки настой
Молодой и веселой сметаны.
Лук сверкал, буйноперист и свеж,
И картошка румяно дымилась.
Говорила Наталья: «Ну, ешь,
Ведь устал» — и напротив садилась.
Всю-то жизнь, почитай, тридцать лет,
Как рябина, припавшая к дубу,
Все с Иваном, все с мужем — след в след,
Слово в слово и думушка в думу.
Прежним бабам по нраву сродни,
Хорошела в душевном порыве
Тихим светом — в погожие дни,
Светом трепетным — в дни горевые.
И не думала вовсе о том,
Что теперь на уме у любого:

Залетало ли счастье в дом,
Словно птица пера золотого?
Просто дом свой трудом берегла
Как судьбы и порядка начало,
Просто сердцу хотелось тепла,
Но его выпадало так мало.
Две войны: с первой, финской она
До победы в большой — без Ивана.
И, обычаям древним верна,
В заклинаньях была неустанна.
Да, склонялась не раз в те года
Пред иконой, слезами облитой...
Муж вернулся! Решила тогда,
Что спасла в самом деле молитвой.
Муж вернулся — вот счастье! Оно —
Соловьи по углам — вот какое!
Только то, что томило давно,
Вновь ожгло и лишило покоя.
Нет детей... Хоть прощай, хоть позорь.
А любила-то как — знают двое.
Впрямь рябина без ягодных зорь,
С опаленной, осенней листвою.
Не позорил, смирился Иван
И прощать не прощал — горше казни.
И меж ними тянулся туман
Молчаливой тоски и боязни...
Ужин был — не покосный кулеш,
Мастерица домашнего дела,
Хлопотала, старалась: «Ну, ешь»,
Угодить по привычке хотела.
Ел он вяло, потупив глаза,
А потом закурил, как оттаял.
«Ты, смотрю я, — тоскливо сказал,—
Остарела чего-то, Наталья».
«Ну так что же поделать, Иван,
Ведь не молод и ты», — улыбнулась

И оправила свой сарафан,
Не оправила только сутулость.
Он вздохнул и замял разговор
И, коснувшись какого-то дела,
Вышел в сени, спустился на двор.
Вслед печально она поглядела.
...Он дышал теплым хмелем земли,
Шел, бежал, потаенный и чуткий,
И среди елок в закате цвели
Облаков снегириныные грудки.
Торопился: сказала «приду»,
И цветы, как оглянется, сзади
Представлялись ему, как в бреду,
Все глазами, чужими глазами.
А кусты то вскипали огнем,
То в тени головнями чернели.
Сердце пело и падало в нем,
И взлетала тропа, как качели.
Вот он, тот наконец сеновал,
Старый, брошенный, полузабытый.
Он немало всего повидал,
Сеном лишь для ночевок набитый.
Здесь условлено. Дух перевел...
Это ты ли, Иван да Савельич?
Стрелки, что ли, годов перевел
Или в молодость сызнова веришь?
Что с тобой?.. Он курил и не знал,
Сам себе задавая вопросы.
Но в глазах — сеновал, сеновал,
А над ним липняки-медоносы.
Он вошел, ничего не решив,
И увидел — она улыбалась.
И земля покачнулась, как взрыв,
И зеленою бездной распалась...

Развязал Иван мешок
 И, стряхнув бумажки,
 Ослепительно извлек
 Голубые чашки.
 И Машутка обмерла:
 Не ждала такого —
 Посреди ее стола
 Звона голубого.
 «Ой, Савельич, дорогой!» —
 Села, обвиняя.
 Отстранился он рукой,
 Требуя вниманья.
 И в один широкий взмах
 На плечах лукавых
 Запылал платок в цветах,
 В золотых купавах...
 Лили водку, что росу,
 Подымали жарко
 За свиданье и красу
 Тайного подарка.
 Полыхали те цветы,
 Падали и вяли,
 Все заметней налиты
 Сумраком печали.
 При зашторенном окне,
 При глухом запоре,
 При попутчике — вине
 И соседе — горе.
 Он терял, что конь гужи,
 Сдержанность рассудка:
 «Что же дальше-то, скажи,
 Ну, ответь, Машутка».
 Обожгла плечом она:
 «Только не сегодня.

Разведенная жена,
Я во всем свободна!»
Закурил, нахмурил бровь
Пьяно и потешно:
«Это что ж у нас, любовь?» —
«Да, любовь, конечно!»
Взбила волосы волной:
«А любовь — как праздник». —
Он вздохнул: «Тебе вольно». —
«Ты не волен разве?
Что неволить-то тебя?» —
Глянула без горя,
И жалея, и любя,
И дразня, и споря.
Жить решившая легко,
Обещая встречи,
Им подаренным платком
Стягивала плечи.
И сгорала смутность лжи
Перед красотою:
«Ой, Савельич, не тужи,
Хорошо с тобою!..»
...Лишь ступил к себе домой —
Увидал Наталью.
Взгляд пронзительно прямой,
Скованный печалью.
Как на боль, на этот взгляд
Он наткнулся с дрожью.
Не шагнуть уже назад,
Не прикрыться ложью.
Понял он, что поняла,
Рухнул мир единый!
И меж ними гладь стола
Протянулась льдиной.
Сел на лавку, грузно сник
В тишине печальной.

Легче б ругань, легче б крик,
Чем ее молчанье.
Но она ждала, крепясь
На таком пределе,
Что недвижимо у глаз
Слезы тяжелели.
«Не могу я! — грохнул в стол.—
Не могу, Наталья!
Я, поди, с ума сошел,
Ну, скажи, святая!» —
«Что сказать тебе, Иван?
Машка лучше знает.
Горше горя, чем обман,
Знаю, не бывает». —
«Мне любá она, любá!» —
Выкрики взлетали...
Набок падала изба
В сердце у Натальи.

4

Первых весен побережье
Будто в дымке голубой.
Там румянцем детским брезжит,
Там глядит из сказок прежних
Робко первая любовь.
Робкий взгляд взойдет очами
Над дорогою любой —
Мир предстанет изначально,
Вспыхнет радугой венчальной,
В песню сложится любовь.
Стает радуга, а солнце
Утвердится над судьбой.
Чистым плеском из колодца,
Детским криком обернется,
В праздник вырастет любовь.

Грянут грозы и утраты,
И к сердцам подступит боль —
Слезы высушит утрами,
Словом скажется отрадным
И разделит хлеб любовь.
Зим последних побережье
Издалека студит кровь.
Но таит тепло, как прежде,
Но глядит с дороги снежной
Снова сказкою любовь...
Крепок духом тот, кто любит,
Встретив жизни круговерть.
Ведь не зря сказали люди:
Лишь один соперник лютей
У любви на свете — смерть.
Лишь любовь, сердец касаясь,
Свет возносит красоты,
Лишь она — тщете на зависть,
Светит прелестью красавиц
Сквозь обычные черты.
И великим жизнетворцем,
Не давая в грязь упасть,
Сквозь соблазны мира рвется
Страсть, пронизанная солнцем,—
Возвышающая страсть!
Но легко, но так удобно
Принимать в потоке встреч
За любовь — ее подобье,
За цветение — бесплодье,
За мольбу — пустую речь.
И ссылаться на эпоху,
Словеса плети свои,
Что не время слез и вздохов.
Словно оборотень, похоть
Точит ляды: «Нет любви!
Лишь свобода движет нами,

Поспевай за быстрым днем!»
...И Наталья в эту замять
С разоренными глазами
Разоренным шла путем.
С ночи той, когда узналось,
Каменела в тишине.
Не обида и не жалость,
А тоска в душе свивалась,
Как береста на огне.
Гнула спину в огороде
И не слушала о том,
Как смеются при народе,
Как о них плетут-городят
Под любым теперь окном.
Не водою, а слезами
Поливала зелен лук.
Жизнь, как узел, развязали,
Где концы — не знали сами...
В это время — новость вдруг.
Пронеслась потешным свистом,
Обожгла насмешкой злой:
«Машка с Федькой-трактористом!..
Благодать — на поле чистом...
Старика — ха-ха — долой!»
И Савельич, ликом серый,
В сердце чувствуя обвал,
С глаз уйдя, метался зверем,
Ждать не мог, ушам не верил.
Вызвать к Федьке запетлял.

5

Федька был мужик приезжий,
Расчищал заросший лог.
«Вон, — шутили, — ломит, леший»,
Видя, как осинник грешный
Он таранил и волок.

День снял, как праздник редкий,
Но Ивану — что туман.
Через корни, ямы, ветки
Проскочил — и прямо к Федьке.
Тяжело дышал Иван.
Удивился тот немало,
Из кабины наземь слез,
Руку подал, как бывало,
Но, руки не взяв, обвалом
Встал Иван наперерез.
И рванул ему рубашку,
Зло взметнул бровей изгиб:
«Ну, скажи, — ты любишь Машку?»
Федька сразу — наотмашку,
От себя его отшиб.
«На дуэль пришел — ох, дети —
Где же ружья иль ножи?» —
«Ну, ответь же!..» —

«Что ответить?

Бают бабы — носит ветер». —
«Отступись!» — «Ты им скажи»...
Сник Иван не от ушиба —
Понял: Машка здесь была.
Боль глаза запорошила,
Будто грохнулась вершина,
Придавила, оплела.
...Шаг его вязали ветки.
Жар катили смоляно́
Дров наставленные клетки.
Это все халтура Федьки
Здесьним бабам за вино.
«Может быть, н ей, — мелькнуло, —
За последки тайных встреч».
Душу мезтью оплеснуло,
Встал безумно н сугуло —
Запалить, сквитаться, сжечь!

Засвивалася береста
В золотые пояса,
И огонь большого роста,
Будто дьявол рыжехвостый,
Заскакал и заплясал.
А мужик вокруг метели
Заплясал и сам, чумной.
Бушевала легкость в теле,
Мухи красные летели,
Отшибал трескучий зной.
«С ней осталось рассчитаться,—
Пронеслось в безумье,— с ней!»
Побежал, не стал скрываться,
Не стучал условно пальцем —
Грохнул громом из дверей.
Побледневшая с испуга,
Машка встала: «Что с тобой?» —
«Изменила слову, сука!
Что теперь мне скажешь, ну-ка?» —
Взвил кулак над головой.
«Что тут, что тут раскричался? —
Все поняв, сверкнула зло.—
Ты пока что не начальство,
Эх ты, собственник несчастный.
Эко, как тебя свело...» —
И с лукавостью тревожной
Взгляд метнула молодой,
Для разгадки невозможный:
Не правдивый и не ложный,
С болью, лаской, маемой.
Так отчаянно вскипела
И сама светилась так
Шеей смуглой, грудью белой,
Что отпрянул оробело,
Отступил Иван на шаг.
И опять перед глазами

В белизне берестяной
Золотыми поясами
Всплески жара заплясали,
И отшиб Ивана зной...

6

Смех на берег летел на дальний,
На покосы глухих полян...
— Ты прости уж меня, Наталья...
— Что в моем прощенье, Иван...—
Отрешенно она сидела,
На виски надвинув платок.
Да она — взглянул — поседела!
И сказать ни слова не мог.
Заметался — изба большая,—
Вновь к жене присел на скамью.
— Зло тебя, Иван, сокрушает,
Ты очисти душу свою,
— Как очистить? Скажи, Наталья,
Помоги мне, спаси меня!
Помутился душой, устал я,
Нет теперь ни ночи, ни дня...—
И Наталья — ох, с верой древней,—
Ничего не сказав ему,
Ночью зябкой по-за деревней
Шла на хутор в тайную тьму.
Горевая душа — не злая,
Шла она, шептала в лесу:
«На войне от смерти спасла я
И от злой любви спасу».
Вот и хутор бабки Прасковьи.
Та умеет силою слов
Хворь нагнать и развеять скорби,
Дать любовь и отнять любовь.

Только надобно три продукта,
И Наталья — знала она —
Положила, рушник раскутав,
Рыбник, соль, бутылку вина.
А Прасковья — глаза что пчелы,—
С полуслова бабу поняв,
Унесла их в запечек черный
И овеяла духом трав.
Зашептала жарко и глухо,
И таинственные слова,
Словно рой, взвились над старухой,
Окружив ее рукава.
— Вот,— еду возвратила,— сила,
Должен выпить и должен съесть.
Ты же делай так (научила),
Я отсюда вам вышлю весть.—
...Замирало сердце Натальи
(Помоги ей, добрый туман).
Чтобы люди не увидали
И вовек не узнал Иван.
Ночью поздней — дыханье рвется —
Незаметная, со двора
Выходила на три колодца,
Тихо черпала в три ведра.
По ведру уносила трижды
(Травка-матушка, их укрой)
И зарю — только проблеск выждав,
К ведам шла потайной тропой.
Встав лицом на зарю, к восходу,
Как у края смертной межи,
Разливать начинала воду
(Ковшик-батюшка, не дрожи).
А заря вставала просторно,
И Наталья — жива, жива!—
Будто чуяла, как Прасковья
Влет послала свои слова.

Пламенели леса и травы,
Пели птицы наперебой.
Ковш — налево и ковш — направо,
Третий ковшик — перед собой.
И лицо ее розовело,
И дышалось опять легко,
Словно вымылась чистотелом
И утерлась белым платком.
Мир, огромный, зеленый, свежий,
Трепетал, звенел и журчал.
Ветер пройденных побережий
Уносил к началу начал...
По три зóри так выходила,
Обжигала роса бела...
Что-то будет — сердце студила,
Что-то будет — в страхе ждала...

7

Рыбник, соль, бутылка вина
Посреди закуски попутной.
Ешь, Иван, ней, Иван, до дна
И винись, коли черт попутал!
Про себя дивился сперва,
Как садился за стол к Наталье,
Этой щедрости, но слова
Костью рыбной в горле встали.
А она разливала чай,
И была тревожно-печальна,
И как будто бы невзначай,
Замерев, взглядом взгляд встречала.
Вечерело. Стих сенокос.
Эх, давай-ка окно откроем!
И заря в гущине берез
Золотым зашумела роем.
И мягчел, веселел Иван,

На жену взглянул по-иному,
Папироску стряхнул в бурьян,
Подступивший к самому дому.
И решил, что сказать пора:
«Ты прости, тебя измотал я.
Ты всю жизнь чиста и добра,
Я жалею тебя, Наталья». —
«Ведь и я жалею тебя, —
Вспыхнув вся, изменилась разом, —
Сколько прожито. Все любя.
Все с отцовским живу наказом». —
«А во мне, вот видишь, изъян». —
«Ну, оправившись. Хватит веку.
Жизнь дана для того, Иван,
Чтоб очиститься человеку». —
Он молчал, и с ветвей берез
По столу, по стеклу бутылки,
По лицу пролетали вкось,
Словно рой, огневые блики.
И Наталья, глядя в окно,
В даль заречную, замолчала.
Он такой не видел давно —
С лет военных, с того начала.
Столько верности и тепла —
«Да она же моя, родная!»
Встала живо, в кухню пошла —
Взгляд светлел, ее провожая.
Вдруг несет икону она:
«Ты не веришь, но сделай милость,
Вглянь, когда катилась война,
На нее за тебя молилась...»
Он нахмурился: да, видал
Эту кухонную икону.
Потускневший желтый овал,
Женский лик, готовый к поклону.
Жар времен впитала доска,

Вспухла в трещинах, почернела.
Только он не умел искать
Света утра в свете вечернем.
Он покорно взглянул, затих,
Взгляд Натальи угрюмо встретив.
И почувствовал, что меж них
Вдруг продвинулся кто-то третий.
Взял опять бутылку Иван,
В рыбник вилкою ткнул и выпил.
И, когда опускал стакан,
Потянулся и соль рассыпал.
И, смахнув, смотрел на жену,
Как икону вешала в угол.
И в набухшую тишину
Два виска колотились туго.
Он смотрел и смотрел сейчас
То застыло, то беспокойно,
Резко смигивал что-то с глаз,
Заслонялся перед иконой.
Потемневший и скорбный лик
Уплывал, застилался мглою.
Свет внезапный за ним возник,
Воссияло лицо другое.
Как сквозь марево, все живей,
Сокрушив завесу разлада,
Вырывалось из-под бровей
Голубое упрямство взгляда.
И, отчетливей проступив,
Полыхнули, как два орешка,
Смуглых щек молодой налив
И на свежих губах усмешка.
И все ближе, и все крупней,
И могущественней заклатья,
Стан очерченный, взлет грудей,
Ветровое кипенье платья.
Угол дома сгорел, исчез,

Распахнулся простор со звоном,
И она в синеве небес
На стогу, на холме зеленом!
Приподнялся Иван: «Она!»
Побледнела Наталья: «Кто же!» —
И качнулась, потрясена.
«Да она, да Машутка!» —

«Боже!»

...Закружился у самых глаз
Потолок в грозовом раскате.
И Иван Наталью затряс,
Заревел на краю кровати.
Умолял жену: «Говори»,
Клял себя, как бросал на колья...
Поздно было. Отблеск зари
Смерк у тихого изголовья.

ПЛАСТЫ

I

Простор открыт. Грачи кричат: пора!
Оранжево горя, проходит трактор
И сотрясает косогор с утра,
Как будто прошивает черной дратвой.
Под корпусами — во какой размер —
Сыра-земля бурлит в четыре русла.
Огромный звук — торжественное «эр»
Летит над полем, над селом, над Русью.
Где жеребцы, которые рысцой
По свежей борозде гулять умели?
Их выпряг трактор, крепких жеребцов,
Как добродушный, но железный мерин...
Привычно мне и радостно пройтись
По борозде, железом разогретой.
Я вижу: машет кепкой тракторист,
Да ведь Быстров же! Да Колюха это!
«На тракторе, — кричу я, — прокати!
Хотя бы до околицы, как в песне».
И он, дверной проем облокотив,
Машину дыбит, что коня, на месте.
По гусенице, как по глыбе льда,
Неловко забираюсь я в кабину.
А он смеется, кепку, как всегда,
На самое надбровие надвинув.
Приветливость в прищуре умных глаз
И превосходство от большого дела.
— Да, крепок, черт!.. Ну, прокати хоть раз,
Чтоб и моя душа помолодела!—
Ревет мотор. И лес, как вырезной,
Качается на горизонте синем.
И кажется, что даже горизонт,

Коль захотим, во всю страну раздвинем.
Какая мощь! А оглянись назад —
А там спит, как будто солнце катим,
И головнями черными скользят
Грачи по плахам, влажным и горбатым...
Работа — это корень жизни всей.
Стара, как мир, извечная работа!
Паши и сей. Всегда паши и сей.
Первей всех дел паши и сей до пота!
Не зря, не зря же русская земля
В парном разливе утреннего солнца
Плывет к тебе, туманно-зелена,
Свежит росой и под сердце льется.
Шумит и шепчет — лишь не будь глухим,
Беспамятным не будь в сверканье красок.
Она, земля, родилась от сохи,
Пошла от слез, а выросла от сказок.
Вон погляди на синий окоем —
Земля холмы так странно развернула,
Как будто там стоит мужик с конем —
Уж это не былинный ли Микула?
А может, твой же прадед или дед —
У прошлого всегда одно обличье,—
По грудь в земле, туманами одет,
Застыл на горизонте по-мужичьи...
Туда, туда! Качается земля
И плещется о радиатор небо.
Быстров кричит, глазищи округля:
«Весна какая! Чую — пахнет хлебом!»
До черноты он загорел с лица,
Нос шелушится — малая досада,
А распахнется куртка молодца —
И грудь видна, бела и волосата.
Но он ее не сразу запахнет,
А над щитком в кабине поколдует,
Где — «Волгоградский тракторный завод» —

Помечено чеканом по латуни.
За кругом круг машину торопя,
Быстров не вспашет и клочка без толка.
Эх, далеко же от самой себя
В сто сил гудит река родная Волга!
Платками машут ей березняки,
Ей журавли с высот крылами машут,
И перед ней, летя вперегонки,
В канавах зайцы солнечные пляшут.
Из подземелья высунулся крот,
Чтоб разузнать: а кто ему мешает?
На что уж слеп кротишко, а и тот
Глядит на гул пугливыми ушами.
И так парит и пенится земля,
Что закипают облака над нею.
А Колька знай пластает рябь жнивья —
Эх, мне бы так, да только не умею.
— Ну, мне пора, — я говорю ему, —
Ты, брат, любого разозлишь на дело.
Работать захотелось самому,
Вот здесь, ты понимаешь, закипело.
— О, понимаю! — Он сбавляет газ,
Смеется и руками ловит ветер.
— А знаешь, ночевал бы ты у нас...
— Спасибо, Коля. Только на примете
Старик один. Я приезжал зимой.
Жил у него. Его не ждет работа.
О жизни мудро толковал со мной,
Вот и еще поговорить охота...
— Его я помню, — хмурится Быстров.
И торопливо курит сигарету. —
Ну, как сказать... Не знаю этих слов —
Ведь старика-то этого уж нету.
— Как нету?
— Умер... Ныне, по весне.
Я гроб возил... — В моих глазах темнеет:

Грачи,

грачи,

грачи

летят ко мне!..

— Могилу, Коля, показал ты мне бы.

— Да покажу, лишь поле допахать,

А там поедем, надо поклониться...—

И снова солнце бьется в лемехах

И горько на моих дрожит ресницах.

II

Не шумите вы, машины, сбавьте скорости:

Здесь земля не роженица, а печальница.

Церковь древняя свечой белеет горестной

И с годами убывает, утончается.

Из каменьев да из белых так поставлена,

Что в полях, в лугах, в лесах сверкает бликами.

Здесь могила вековечного крестьянина —

Мужика, Солдата, Пахаря великого.

Уж ты, холм зеленый, холм, слезами вымытый,

Чем же изукрашен для великой почести?

Может, изукрашен плитами гранитными,

С этих плит сияешь именем да отчеством?

Только нет гранита, мрамора — тем более.

Ты увенчан снова, как ведется истари,

Лишь крестом еловым, резким, словно молния,

Крепко вбитым в землю, с каплями смолистыми.

На кресте янтарном краскою с потеками

Имя, отчество, фамилия написаны —

Не рассчитано на памястье далекое,

Не грешили люди против этой истины.

Так еще при жизни было им повелено,

Так после кончины ими все исполнено...

Уж ты холм высокий, зеленеешь зелено

И печалишь сердце деревянной молнией.

Я кладу к могиле белую черемуху,
Облачно-густую вьюгу лепестковую,
И стакан вина я горько пью без роздыху,
И стакан налитый ставлю к изголовью.
Думаю, склоняясь: вот пришел я сызнова,
Только ты встречаешь в этот раз молчанием.
Может, ты и слышишь, да тебя не вызволить —
Руки повисают над землей в отчаянье.
Ни умом, ни сердцем не понять бессилия.
Только от бессилия слезы-то и катятся.
Замерзает слово на губах красивое,
Истинное слово опадает на сердце.
Только тем утешен, что тебя я видывал,
Слыхивал тебя я вечерами зимними.
Слово-то любил ты, смыслом плодовитое,
Дело-то любил ты — радостью отзывное.
Вот с холма смотрю я на поля российские,
Где туман свивает солищу красну бороду —
В них суровым плугом ты всю жизнь выскивал
В тьме борозд несметных золотую борозду.
На проселки гляну, желтые, тягучие, —
Ими все деревни будто подпоясаны.
А тобой проселки в шесть земель раскручены
И узлом солдатским там на память связаны.
На деревни гляну, дальние и ближние, —
В них студеной ветер по посадам хаживал.
За топор ты брался — потому и выжили,
Положил всю силу — потому и зажили.
И твоим уходом все пока пронизано —
Свет, земля, дороги, думы неотвязные.
Все, что надо было высказать прижизненно,
Никогда не будет после смерти сказано.
Так у нас ведется: только у надгробия,
Словно спохватившись в те часы последние,
Люди торопливо много скажут доброго,
Много, может, скажут, да не то, что следует.

Слов пустых и праздных мною не обронено.
И звучишь ты в сердце именем да отчеством.
Всех травой зеленой укрывает Родина,
С материнской скорбью, с материнской почестью.

III

Иду с холма. Слова оборвались,
Лишь удержаться не могу от вздоха.
Ведь прожита была не просто жизнь,
А прожита огромная эпоха.
Припомнилось, как говорил старик,
Что он крестьянин на селе последний.
У двух миров он встал на самый стык
И с двух сторон он сквозняки изведаль...
Другие ветры овевают нас,
А трактор катит дальше синим громом.
Нелепым показалось мне сейчас,
Что ехал он со стариковским гробом.
Что в тишине проселков ледяных
Не цокали любезные копыта,
А грохали железные следы
Под синевой, в последний раз открытой.
И что не дровни на пути таком
Тянулись вдаль березовой печалью,
А кованые сани, как паром,
Односельчан над стариком качали.
И что на холм, завьюженный зимой,
Дорогу расчищали не лопаты,
А просто перед сталью лобовой
Отпрянули сугробные накаты.
...Я понимаю, что железный век.
Но что-то в горле все же запершило.
Нет, ни при чем тут, милый человек,
Могучие и умные машины.
Железный будь, да сердцем не черствевай,

Гляди вперед, а под ноги — не меньше
И не сочти в размахе скоростей
За пережитки конный ход и пеший.
Добро в кабине, что и говорить:
В лицо прохладу гонит вентилятор,
И нервы успокаивает ритм,
И размышленья навевает трактор.
Я вспоминаю, как в деревню к нам
Впервые бойко прикатил колесник.
Шарахался народ по сторонам,
Когда он по заборам куролесил.
Ругались бабы. Мишка-тракторист
Глушил мотором бабий визг и ропот.
Свистал в два пальца: «Эй, поберегись!
Я не ручаюсь — это первый опыт!»
И женщины ругались и ползли.
А мужики, посторонясь, кричали:
— Ты, Михаил, не трогал бы земли,
А в лес давай, попробуй там сначала!—
Но Мишка отвечал им: «Наловчусь,
Дам линию я дьяволу такому!»
Однако бабы вновь лишались чувств,
Когда колесник порывался к дому.
— Да ты куда? — крестили матюгом.—
И трактор вновь откатывался бойко,
И вся деревня бегала бегом
За ним, как за трехлетком жеребенком.
Он черный весь, и дым летел как хвост —
Не подходи ни спереди, ни сзади,
Но Мишка в руль, как будто в гриву, врос,
Скрипел зубами: «Дьявол, обуздаю!..»
И обуздал, и наловчился он —
Всему колхозу показал характер.
И день и ночь со склона и на склон
Ходил по пашне Мишкин первый трактор.
По грохоту подобен был грозе,

Но глух и на пустычном перевале.
Поэтому три буквы ХТЗ
Здесь мужики смешно расшифровали.
Крутили жарко ручкой заводной
Ударники труда и землелюбы,
И за баранкой в шири полевой
В улыбке белизной сверкали зубы...
О ветры молодых колхозных лет,
Когда вся жизнь артельная в новинку!
Крутил на патефоне наш сосед
О трех танкистах бодрую пластинку.
И пели все, и Мишка подпевал,
Никто не знал, что скоро утром чистым
Война ударит в сердце наповал
И Мишка будет сам уже танкистом.
Но это после, после, а пока
Счастливо красовались молодницы
И ветры обдували не шелка —
Дешевые и простенькие ситцы.
Работали, покуда силы есть,
С гармошками ходили побригадно
И за труды стахановскую честь
Считали наивысшею наградой.
Ну, а в конторе, где тесным-тесно,
От папирос и самосада мглисто,
Тогда крутили «на ура» кино
С названием веселым «Трактористы».
Свои сужденья и горячий пыл
Высказывали вслух и даже слишком,
Когда артист Андреев выходил,
Кричали хором: «Глянь-ко, это Мишка!»
А Мишка, сидя где-то на полу,
Нетерпеливых посылал подальше,
Но сходство принимал за похвалу
И сам смеялся и солидно кашлял...
Но вот война... И мужики ушли.

Деревня сразу сникла и погасла.
И траурными рамками земли
Тянулись за околицами прясла...
Но все ж колесник, этот черный черт,
Да лошади, да бабы в той упряжке
Через войну, сведя со смертью счет,
К нам дотянули пласт, чрезмерно тяжкий.
И вот он льется в наших лемехах,
В сто раз мощней в сверкании весеннем.
С какой любовью надо нам пахать,
С какой великой думой надо сеять!..
Я на Быстрова скашиваю взгляд:
В росинках жарких золотятся брови,
И золотится врезанный в закат
И весь мужицкий грубоватый профиль.
В нем жесткость линий, подбородка жечь
Исполнены рабочего величья.
Да, в облике Быстрова что-то есть
От Мишкина крестьянского обличья.
Лишь Мишкиной доверчивости нет
И сельской простоватости не видно,
Что у того по молодости лет
Сквозило простодушно и наивно.

IV

На косогоре, полосатом
От тропок, гусениц, колес,
Белеет главная усадьба,
Что сахар кинутый вразброс.
И Николай Быстров гордится,
Красно кладет свои слова:
— Вон глянь — совхозная столица,
Как будто малая Москва.
И я,— смеется он,— выходит,
Столичный житель — не простой.

Да в самом деле, жить охота
Любому наравне с Москвой...—
Он басовитый рокот стелет
В поселке людном, молодом.
А вот уже и пятистенок —
Быстровский, в свежих стружках дом.
Его сюда с родного места,
С далеких пашен, перевез,
Не пожалев ни память детства,
Ни материнских тайных слез.
В ряду других домов отменно
Стоит, но как бы над землей,
Но как бы вытянут антенной
В закат тревожно-огневой.
Сверкает модная веранда —
И высока и широка.
Он трактор ставит с нею рядом
И гладит трактору бока.
— Вот конь — ни есть, ни пить не просит,
Его куда угодно ставь.—
В ответ звенит тонкоголосо
В жаре измученная сталь.
Заходим в дом. Светло, просторно,
Москва с футболом включена.
И собирает мать застолье,
И обряжается жена.
Быстров с водой терзает краник
И, утираясь, льнет к жене:
— Скажи, сегодня с кем играем?
— Отстань, до этого ли мне!—
Тут в разговор и мать встречает:
— Отстань от бабы — чуть жива.
Иди смотри, Москва играет,
В игре кажинный день Москва.—
Взгляну — так сердце не выносит.
Работа будто ни при чем:

Ни пашни там, ни сенокоса,
А только бегают с мячом.
— Ну, мать, уважила столицу,—
Хохочет громко Николай,—
Нам у Москвы всему учиться,
Ты это, мати, понимай.
— Ну и учись, да не навькни
Рот понапрасну разевать.
Ни топора в руках, ни книги
У мужиков-то не видать.
Вернутся с поля да и сядут,
Как будто больше дела нет.
И ребятишки ткуются сзади.
А бабы варят им обед.
— Ну, хватит критики, потише.
— А что,— не уступает мать,—
Вот жаль, что я Москву-то слышу,
Да в ней меня-то не слышать.
— Ну ты б сказала,— сын хохочет
И крутит бережно экран.
Вздыхает он: — Сегодня, впрочем,
Неинтересная игра.
Давай-ка двигайся к закуске,
Чего не так, уж извиняй...—
И простотою безыскусной
Пахнуло в доме на меня.
Сажусь, смотрю — да что за диво:
На снимке (снимок застеклен)
Быстров — в колонии пингвинов!
Да он ли это? Вправду — он.
— Э, брат, такая эпопея!—
Он отвечает на вопрос.
— Ну расскажи! — Постой, успею,
Ты лучше глянь — я что принес.—
Он ставит весело графинчик.
— Совхозный сок,— мне говорит,—

В графинчик сок такой завинчен,
Что стопка полымем горит.
(А стопки — вправду голубые) —
Ну что ж — нет встречи без вина.
Жена и мать — чуть пригубили,
Мы — приголубили до дна.
Но, любопытство к снимку видя,
Быстров бросает как бы вскользь:
— Его привез из Антарктиды,
На память с полюса привез.
— Да как же так? — почти немею.
Вино забыто и еда.
— Ты что, про нашу эпопею
Ужель не слышал никогда?
— Да про какую? — память мучу.—
Нет, не слыхал я о тебе,
— А был такой хороший случай,—
Быстров вздохнул,— в моей судьбе.—
И я горю от любопытства.
Сажусь удобней, сняв пиджак,
Прошу Быстрова — чтоб не быстро,
И он кивает: — Было так.
Служил в местах, где снег да льдины.
Как тракторист, я был в ходу.
И для разведки Антарктиды
Взят в пятьдесят шестом году.
Ну, от восторга — что в тумане.
Я с палубы, из тягача,
В Индийском, помню, океане
И кепку бросил стгоряча.
А судно «Обь» — у, брат, громада!
Ее и шторм качнет не вдруг.
Ведь пересечь всю землю надо ..
Не шутка — с севера на юг.
И было мне тогда занято:
На юг идем уж много дней,

А что-то зябко в куртке ватной
И с каждым днем все холодней.
И надо мною Ваня Хмара
Смеялся (это — лучший друг),
Мол, потерпи — позагараем:
Ведь скоро — самый южный юг!
Ну, а навстречу — льды такие,
Что, если сильная волна
На них какой кораблик кинет
(Не «Обь», конечно), то — хана.
И вот на горизонте видим:
Из черноты бескрайних вод
Под самым солнцем Антарктида
Хребтами белыми встает!..
Ты сам крутил когда-то глобус —
Как далека она, видал.
Так я туда, ну не на полюс,
Но близко к полюсу попал.
И я любил, — Быстров смеется, —
За партой глобус покрутить,
Не знал, что в жизни доведется
Тот шарик-глобус переплыть.
Но переплыли! Нам пингвины
Уже кричат издалека,
Идут в рубахах, белых, длинных,
И мешковатых пиджаках.
Что мужики слегка поддавши,
Садятся цепками на лед.
Кивают нам, крылами машут,
Как добрый маленький народ.
И говорит мне Ваня Хмара,
Веселый — загулять не прочь:
— Я получил радиограмму —
Жена вчера родила дочь!
Вот ей в подарок бы — пингвина,
Эх, тут бы погордилась мной... —

Стоит, сияет — сразу видно:
Доволен жизнью и женой.
Я руку жму ему от сердца —
Хороший хлопец, верный друг.
Но в честь жены вином погреться
Ему, конечно, недосуг.
Уже машины под разгрузкой,
И оба к трапу мы спешим.
И на припай опасно узкий
Выходим наперед машин.
Припай — под снегом льды сплошные.
Лежат они уже века.
И надо нам вести машины
По льду на взъём материка.
Ну, тягачи, они надежны.
Но лед каков — никто не знал.
Видал у нас я бездорожья,
Но вот такого — не видал.
Облет свершили вертолеты.
Все снег да лед — нам говорят.
Пешком прошли — спрессован плотно,
Сверкает снег — ну, что накат.
И говорит начальник Хмаре:
— А ну, Иван, давай вперед.—
Махнул рукой веселый парень
И двинул с места вездеход.
А я за ним — с огромным грузом.
Ползу, смотрю и — боже мой!
У Вани трактор юзом, юзом
Пошел низиной снеговой —
И вдруг пропал! Как был и не был!
Мне показалось: я ослеп.
Ползу... Еще немного мне бы —
И я бы грохнулся вослед.
Но тут — как будто мысль какая!
Похолодел и закричал

И, ничего не понимая,
Мертво вцепился за рычаг.
Сбежались люди. Перед нами
Чернела трещина без дна.
Она, проклятая, снегами
Была совсем заметена...
Слезу не ветры высекали,
Сам понимаешь — нету слов...—
И над столом, как над снегами,
Затих, насупился Быстров.
И я молчу. Все понимаю.
И разговор у нас померк.
— Давай-ко мы помянем Ваню.
Был настоящий человек...—
И кажется на самом деле,
Что на виду у деревень
Плывет сейчас не вечер белый,
А тот полярный горький день.
— Но ехать надо,— начал Коля,—
И первым я уже пошел,
И хоть взбирался я на взгорье,
А мне мерещилось — в котел.
Под снегом лед скрипит, скрежещет,
Нигде следа, кругом бело.
Вставал и я над бездной трещин,
Но счастье, видишь, помогло.
Мой «Воронко» — так звал я трактор —
По льду прошел под птичий крик,
И закрил в камнях горбатых,
И первым встал на материк.
Я из него, шатаясь, вышел.
Сверкают скалы. В скалах лед.
И надо мной планеты крыша —
Предгорья Королевы Мод.
Я сдернул шапку. Стужа — в щеки.
Лицо горит. А надо мной

Земли вершина — о, высоко,
Как будто купол ледяной!
Дух захватило — выше нету.
И дальше нет уже земли.
А только небо льдистым светом,
Как будто инеем, палит...
И здесь, снега поглубже вырыв,
Мы на базальтовый пятак
Поселок ставим первый — Мирный
И поднимаем красный флаг.
И говорит профессор Гусев,
Что надо нам, светло пока,
По неизведанному курсу
Рвануться в глубь материка.
Ну, я готов. Давай проверим,
Что там, у самых облаков!
И снова в путь выходит первым
Мой добрый, верный «Воронко».
Второй тягач, по цвету красный, —
Его я «Карьком» называл —
Тянул палатку и припасы
И от меня не отставал.
Здесь не ходил никто вовеки
(Шел Амундсен другим путем),
На гребнях свет от бури меркнет,
Как будто в небе мы самом.
Тогда в палатку. Вся команда.
Трясет от стужи — где уж спать!
Потом откапываться надо,
Ну, откопаемся опять.
И над землей для смеха гаркнем
На жутком гребне снеговом:
— Эй, «Воронко»! Эй, где ты, «Карько»?—
И их откапывать пойдем.
Да, было дело, — он вздыхает. —
И тут мы слышим: — Эй, Быстров! —

В окне — мужик.— Чего, механик?
— Открой окно на пару слов.
Вода в реке идет на убыль,
И самоходки на мели,
Ну те, которые нам уголь
Да удобренья привезли.
И Николай идет проворно.
Жена навстречу: — Ты куда?
— Да самоходки надо сдернуть,
В Двинице падает вода...
— Вот так всегда, покоя нету,—
Хозяйка жалуется мне.—
Всю жизнь в заботе да в ответе,
Не дома, все — на стороне...

V

А в Двинице смуглолицей
Молода всегда вода.
То начнет кружиться, виться,
Не поймет сама — куда.
То споткнется, разойдется,
Сломит берег, наконец
Засмеется в бликах солнца
В деревеньках у крылец...
Самоходки дышат жарко.
Мрут, как щуки на мели.
Ватерлинии, что жабры,
Красной пеной затекли.
Но уже несется эхом,
Заглушив моторный рев,
Крик людей: «Быстров приехал!»
И-эх — вода звенит — Бы-стро-ов...
Трактор грузно разворачивается,
Выскребает талый лед
И к воде, открытой начисто,

Страшно с берега ползет.
Чертов берег тут обрывист.
Но — вниз, вниз...
Ой, не кувыркнись,
Не кувыркнись!
Встал по-истуканьи
Трактор и рычит.
С берега стегают
По нему ручьи.
Быстров — в раж,
Быстров — в злость:
— Эй вы, с барж!
Тяните трос.—
С берега того
Через весь плес
Черную винтовой
Повисает трос.
И трактор упрямо
Ползет вверх,
Сдирая травы,
Как лисий мех.
И трос пружинит,
Витой, стальной,
Всего — лишь жилкой,
Всего — струной.
Народ в испуге.
— Эй, берегись!..—
По всей округе
Пронесся свист.
Лопнул!.. Вот он,
Трос витой,
На куст намотан,
Висит змеей.
Шкипер хитрый —
В круги, в круги:
— Ставлю литру!

Лишь помоги.—
Быстров сбивает взглядом:
— Поставь-ка лучше ты
Два новых троса кряду,
Чтоб меньше маеты.—
Два троса натянули
И отскочили враз.
Опять в натужном гуле
Земля зашлась.
И медленно-медле...
Но все ж баржа идет!
И шкипер напоследок
Быстрову руку жмет.
— У нас помельче плавай,—
Смеется Николай,—
С рекой держись что с бабой —
Из рук не выпускай...—
И мы — в туманы бродом,
Дома на высоте,
Как будто соты с медом,
Желтеют в темноте.
И тянет нас и манит
Усадьба все сильней
Из луговин туманных
И сумрачных полей.
И мы спешим, уходим
От одиноких дум,
Меняем их охотно
На многолюдный шум.
Поди узнай, что надо...
Но все ясней она,
Центральная усадьба,
В тиши полей видна.
Огней высокий ливень
Среди немых низин.
И в центре клуб зазывен,

Заборист магазин.
И телефонный провод
Поверх бетонных плит,
Как будто рыжий овод,
Над головой летит.
И у домов под боком,
В мерцанье топольков —
Тепло больничных окон —
Спасательных кругов.
И школа возле самой
Широкой из дорог.
Утрами над усадьбой —
Как солнышко, звонок.
И мир теплей и шире.
Хотя не тишь да гладь,
Но тянет в этом мире
Пожить да побывать.
Где дорого, знакомо,
Понятно все без слов...
— Ну вот, мы снова дома, —
Толкает в бок Быстров.
Ах, красным садом вызрел
От занавесок дом!
И синий телевизор
Плывет туманом в нем.
Мальчишки здесь — ни с места,
Сидят, лицом горя:
«Клуб кинопутешествий»
Уводит за моря.
Сейчас их дома нету,
Хотя сидят и тут,
А мальчишки по свету
По белому идут.
А бабушка мальчишек
Давно уж гонит спать.
Они ее не слышат,

И крик и брань опять.
Она в изнеможенье
Твердит: — У нас не дом,
А светопреставленье,
И я рехнусь умом...—
Потом старушка замолкает
И ставит в кухне самовар.
Березовыми угольками
Она бодрит румяный жар.
И чай мы пьем большим семейством,
И диктор — вот он, наравне —
Сообщает новые известья:
Что — за границей, что — в стране.
— Садись-ко к чаю,— шутит бабка,—
Да чаю-то, поди, не хошь,
А то б ленула крепко-сладко,
Уж больно ты мужик пригож.—
Хохочем все — ну, уморила!
— А что? — она ведет игру.—
Какая ягода малина
Ему сидеть у нас в углу?
Смотрит, работушка такая.
Скажи-ко лучше, говорун,—
Старуха диктору мигает,—
Как там китайский-то мамзун?
— Да ведь зовут Мао Цзедуном,—
Быстров от смеха стер слезу.
— Ну пусть, а коль войну задумал,
Так он и есть дурной мамзун!—
И мать, в лице меняясь, встала.
— Вот что скажу, сыночек мой,—
Война-то всем ох горько встала,
Я с красных лет сама вдовой.
— Ну успокойся, мать, все время
Не надо говорить о ней.
Ведь утро вечера мудрее,

А мы сейчас войны сильней!
— Добро бы так,— старуха шепчет,—
Не приведи господь войны...—
Тепло, уютно гаснет вечер
Семьи и всей большой страны.
Мы, закурив, стоим у дома
В одних рубашках — благодать!
Я о походе том, ледовом
Прошу Быстрова досказать.
— Так вот, на купол Антарктиды
Тогда мы все же взобрались.
Вверху — там звезды лишь открыты,
Внизу — и страшно глянуть вниз.
Ночь — глаз коли — уже чернела.
Ну, зарывайся глубже в снег.
Хватало холода и дела,
Да наш привычен человек.
Спустились вниз через полгода —
Вó ночька темная была,
Вó возвратились из похода,
Вó, брат, какие купола! —
Быстров смеется, сам доволен.
— Я был бы там и посеичас,
Да потянуло что-то к полю,
Ведь хорошо в полях у нас!
Профессор Гусев письма пишет,
Благодарит, опять зовет.
У нас, мол, заработки выше,
Дадим новейший вездеход.
Я отписал, что не готовлюсь,
Что дом, жена, ребята, мать,
Что не Магнитный — Хлебный полюс
Теперь мне надо открывать.
У нас должны быть горы хлеба —
Земли-то сколько, и какой!
Должны не только жить безбедно,

А жить — с прибавкой золотой...—
Он мнет губами сигарету,
Как земляничный корешок.
Стоит, такой высокий, крепкий,
И с ним спокойно, хорошо.
Но тут жена, окошком звякнув,
Мелькает в белом полотне.
«Эй, Коля, спать!» — и голос мягкий
Плывет зазывно в тишине.
Уже от будня отрешенный,
Уже в тоске иных минут.
Вот так позвать лишь могут жены,
Что любят, верят, вечно ждут.
«Иду, иду!» — летит ответно.
И в самом деле, надо спать.
Быстров мне кажется на повети
Уже готовую кровать.
Я засыпаю, утомленный,
И не пойму, где явь, где сон:
Свистят в доме радиоволны,
Как прутья, с четырех сторон.
Но пятистенок рублен стойко,
Его не раскачаешь вдруг.
Пусть ветер — с запада к востоку,
Пусть ветер — с севера на юг.
И на меня как будто окна,
Да, окна движутся во тьме.
Смотрю: из поля одиноко
Тот, мой старик идет ко мне.
Но он же мертв! А тут — на пашне!
Его качает на ветру.
И он зовет, руками машет,
Кричит, но что — не разберу.
Потом куда-то исчезает.
И дом как будто бы не дом,
И степь чернеет грозовая,

И тучи красные кругом!
И вдруг меня срезает вспышка
Валюсь, лежит в крови мужик,
Да тракторист ведь это Мишка.
«Эй, Михаил!» — Но глухнет крик.
И стужей бьет меня и жаром,
Толкаю в бок: «Вставай, не спи!»
Смотрю, не Мишка — Ваня Хмара
Приподнимается в степи.
Да и не степь уже, а льдины,
И Ваня Хмара — на одной.
Стоит в руках с большим пингином
И просит: на, отправь домой.
А я зову его с собою,
Он рвется, но крошится лед.
Качает Хмара головою,
С пингином в океан плывет.
А льдины то остро, то тупо
Встают над волнами внахлест.
И вот уже ледовый купол
Слепит в ночи ожогом звезд.
Глаза руками прикрываю,
Но вижу, как туда, наверх,
Ползет, вися над черным краем,
По-альпинистски человек.
Я по спине да по ухватке —
Быстров же это! узнаю.
Врубаясь в лед смертельно гладкий,
Встает у мира на краю.
Кричит: «Иди, открыл я полюс!» —
И ставит он над всей землей,
Что красный флаг, огромный колос,
Огромный колос золотой.

СОДЕРЖАНИЕ

СТИХИ

I

Красивые тучи	4
Здравствуйте!	4
Спокойное утро	5
Коньлово	6
Блудный сын	8
Материнское одеяло	9
Отогреваем дом	9
Народный музей	10
«Иконостас-вологжанин...»	12
Счастливый человек	13
В гостях на Сукманице	14
Старик	17
Бабкин сын	17
Ничей	19
«Меня дивили мощью города...»	20
«Лес впитывал сумерки, прятал...»	20
«В середине веселого мая...»	21
Ключи	22
Столбы	23
Совесь	24
Гостинец	26
Изба	27
Гармонь	28
Разговор	29
Дочери	29
«Здесь мельница была. Заросший вид...»	30
Самовары	31
Осики	32
«День или вечер — не понять...»	33
Закат	33
«Еще на небе было чисто...»	34
Горностай	34
Наст	35

II

1941—1981	36
Мать перед портретом отца	37
Несказанные слова	38
Память	38

«И было то, и это было...»	40
Провожание	41
Возвращение	44
Босиком по земле	46
Свадьбы	47
Жили-были...	49
Бабье лето	52
О тебе	53
Женщина	54
«Ах, эти белые курганы...»	54
«Уже шуршит на тропке лист опалый...»	55

III

Сторожевой луч	56
Кулиги	56
Печали	57
Калина	58
Перекличка	58
«Пройдет и это, как сказал поэт...»	60
Дождинка	60
«Я иду зеленым полднем...»	60
Слава	61
Работа	62
Ты	63
«Для черствого сердца...»	63
«Всего на свете хуже...»	64
«Печений горы целые...»	65
«Когда тревожит окна дождь осенний...»	65
«Без отпуска всю жизнь и без простоя...»	66
«Спят меня у теплой лавочки...»	68
«Время будит... Звон часов...»	68

IV

Родина	69
«Развернулись — да вниз по Енисею!...»	69
В Усть-Цильме	70
«Он не молодой, но и не старый...»	72
Коми Му	73
Тракайские озера	74
Отчий дом	76

ПОЭМЫ

Павла	78
Три зари	97
Пласты	117

Романов Александр Александрович

КРАСНЫЕ ТУЧИ
Стихи и поэмы

Рецензент *В. Ермаков*

Редактор *Г. Касмынин*

Художник *В. Гальдяев*

Художественный редактор *В. Покатов*

Технический редактор *Г. Бойцова*

Корректор *Н. Дегтярева*

ИБ № 2419. Сдано в набор 07.01.82. Подписано к печати 29.07.82.
А02097. Формат 70×90/32. Гарнитура об. нов. Печать офсетная.
Бумага офс. № 1. Усл. печ. л. 5,26. Усл. кр.-отт. 10,79. Уч.-изд. л.
6,53. Тираж 20 000 экз. Заказ 247. Цена 85 коп.

Издательство «Современник» Государственного комитета РСФСР
по делам издательств, полиграфии и книжной торговли
и Союза писателей РСФСР
121351, Москва, Г-351, Ярцевская, 4

Полиграфическое производственное объединение «Офсет»
Управления издательств, полиграфии и книжной торговли
Волгоградского облисполкома
400001, Волгоград, ул. КИМ, 6